

Карен М. Макманус

ВЫ
станете

МОЕЙ

смертью

Друзья до смерти...

Карен М. Макманус

Вы станете моей смертью

Серия «Neoclassic: Расследование»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67900401

К. М. Макманус. Вы станете моей смертью: ООО «Издательство

АСТ»; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-146293-2

Аннотация

Кто из нас ни разу в жизни не прогуливал школу? Вот и трое старшеклассников, Айви, Кэл и Матео, решили устроить себе выходной. Однако веселая прогулка оканчивается совсем не весело: проникнув в пустующее здание, где раньше была художественная студия, ребята находят труп Бони – парня, которому Айви только вчера с треском проиграла на выборах школьного президента.

Для полиции, конечно, не мотив, зато отличный повод для одноклассников, недолюбливающих правильную отличницу, начать травлю в Сети. Ребята понимают: единственный способ прекратить издевательства над Айви – найти убийцу самостоятельно.

Но легко ли сделать это, если каждому из них есть что скрывать не только от следствия, но и друг от друга?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	45
Глава 5	61
Глава 6	73
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Карен Макманус

Вы станете моей смертью

Karen M. McManus

You'll Be the Death of Me

© Karen M. McManus, LLC, 2021

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Посвящаю Закари, Шейлин и Эйдану

Глава 1

Айви

Я с уважением отношусь к любым хорошо продуманным чек-листам, но, по-моему, мама перегибает палку.

– Прости, какая страница? – За кухонным столом я просматриваю страницы распечатанного текста под испытующим взглядом мамы, взирающей на меня из окошка «Скайп». Заголовок гласит: «Путешествие Стерлингов-Шепардов в честь 20-летней годовщины свадьбы: руководство для Айви и Дэниела». Всего одиннадцать страниц. С двух сторон. Первый отъезд, когда они с папой оставили нас дома одних – на четыре дня! – мама спланировала с военной детальностью и точностью, присущими ей во всех делах. Из-за дотошного руководства и постоянных звонков по «Скайпу» и «Фейс тайм» складывается ощущение, что они никуда и не улетали.

– Девятая, – отвечает мама. Ее светлые волосы уложены сзади в фирменный французский узел, макияж идеален, хотя в Сан-Франциско сейчас нет и пяти утра. До обратного рейса родителей еще не меньше трех с половиной часов, но мама, как всегда, уже готова. – Сразу после раздела об освещении.

– Об освещении! – драматично вздыхает мой брат Дэниел, сидя напротив меня и накладывая в чашку сухой завтрак из

коробки «Лакки чармз». Пусть ему 16 – предпочтения в еде у него, как у детсадовца. – А я думал, мы можем включать свет, когда он нужен, и выключать, когда не нужен. Видимо, я ошибся. Да еще как.

– Хорошо освещенный дом отпугивает домушников, – говорит мама, словно забыв, что единственное преступление на нашей улице совершают дети, которые катаются на велосипедах без шлемов.

Мне хочется закатить глаза, но я сдерживаюсь: переспорить маму все равно невозможно. Она преподает прикладную статистику в Массачусетском технологическом, и у нее всегда на все есть самая актуальная информация. Вот почему я послушно вожу пальцем по разделу о церемонии награждения – списку дел для подготовки к церемонии, на которой маму назовут почетным жителем Карлтона за доклад о злоупотреблении опиоидами в нашем штате.

– Нашла, – говорю я, быстро пробегая по странице глазами, проверяя, не упустила ли что-то. – Вчера я забрала твоё платье из химчистки, так что все в порядке.

– Вот это я и хотела с тобой обсудить, – говорит мама. – Наш рейс прибывает в пять тридцать. Теоретически церемония начнется в семь, так что у меня достаточно времени, чтобы заехать домой и переодеться. Но я только сейчас поняла, что мы с тобой не обсудили план действий на случай, если мы прилетим позже и мне придется ехать в Карнеги-холл прямо из аэропорта.

– Э-э-э... – Я чувствую, как с экрана ноутбука за мной следит ее внимательный взгляд. – Ну тогда можешь просто написать мне?

– Напишу, если смогу. Пожалуй, тебе надо подписаться на уведомления о рейсе, если вдруг в самолете не будет работать вай-фай, – говорит мама. – Если мы не сядем до шести, я хочу, чтобы ты встретила нас в аэропорту и привезла платье с собой. А еще туфли и украшения. Есть под рукой ручка? Я скажу, какие именно.

Дэниел накладывает себе еще хлопьев, а я, делая пометки, пытаюсь подавить уже привычное для себя презрение к брату. Я полжизни трачу на то, чтобы понять, почему мне всегда приходится стараться в два раза больше Дэниела!.. Впрочем, в этот раз я сама напросилась. До отлета родителей я лично настояла на том, что проконтролирую все моменты церемонии награждения, – боялась, что, если у меня ничего не выйдет, мама поймет, что совершила ошибку, попросив заняться этим меня, а не Дэниела. Разумней было бы выбрать моего гениального брата, перескочившего через один класс и превзошедшего меня в выпускном классе во всем.

В глубине души я уже считаю, что мама жалеет о своем решении. Особенно после вчерашнего, когда моя единственная претензия на школьную славу была разбита в пух и прах.

Я откладываю ручку, отодвигаю пустую чашку и чувствую, как скрутило живот. Мама, как никогда встревоженная, замечает этот жест.

– Айви, прости, я отрываю тебя от завтрака!

– Ничего, я не голодная.

– Все равно надо поесть, – предупреждает она меня. –

Сделай себе тост. Или возьми что-то из фруктов.

Мысль о еде нисколько меня не привлекает.

– Не хочу.

Мама встревоженно хмурится.

– Ты не заболела?

Прежде чем я успеваю ответить, Дэниел, притворяясь, что громко кашляет, выдавливая из себя:

– Бони!

Я бросаю на него сердитый взгляд, а потом смотрю на маму, чтобы понять, уловила ли она этот намек.

Ну конечно, уловила.

– Детка, – зовет она меня; ее лицо выражает сочувствие и даже какую-то раздраженность. – Ты все еще переживаешь из-за выборов, да?

– Нет, – вру я.

Выборы. Мое вчерашнее фиаско. Я, Айви Стерлинг-Шепард, трижды президент класса, проиграла выборы выпускного года Брайану Бони Махони. Который участвовал только ради смеха. Его слоган был «Голосуйте за Бони, и я оставлю вас в покое».

Ладно. Слоган действительно прилипчивый. И теперь Бони – президент класса, хотя он вряд ли что-то станет делать, а ведь у меня был целый план по улучшению жизни учени-

ков Карлтонской старшей школы. Я договорилась с местными фермерами о поставке органических продуктов для нашего буфета, а с одним из консультантов по профориентации – о программе посредничества при решении споров между учениками. Не говоря уже о сотрудничестве по обмену ресурсами с Карлтонской библиотекой, благодаря чему наша школьная библиотека начала предоставлять электронные и аудиокниги наряду с обычными. Я даже собиралась организовать сдачу крови учеников выпускного класса для больницы Карлтона, хотя сама от одного вида иголок тут же падаю в обморок.

Но оказалось, что всем на это плевать. Поэтому сегодня, ровно в десять утра, Бони произнесет перед учениками выпускного класса свою победную речь. Если она будет похожа на то, что он говорил во время наших дебатов, значит, тоже будет состоять из длинных пауз между сальными шуточками.

Очень обидно. Я гордилась тем, что участвую в школьном самоуправлении. Единственное, в чем я когда-либо превзошла Дэниела. Ну, не то чтобы превзошла, конечно, ведь ему вообще на это плевать, но все равно. Это было моей территорией.

Мамин взгляд словно говорит: «Время быть жесткой, но справедливой». Это один из ее самых выразительных взглядов, выразительней только «Не смей говорить со мной в таком тоне».

– Детка, я представляю, как ты расстроена. Однако на этом заикливаться нельзя, а не то еще станет дурно.

– Кому там дурно? – загрохотал голос отца где-то в их номере. Секундой позже из ванной появляется он сам, одетый в свой обычный для путешествий наряд и вытирая седеющие волосы полотенцем. – Надеюсь, не тебе, Саманта. У нас впереди шестичасовой перелет.

– Со мной все хорошо, Джеймс. Я говорю с...

Папа подходит к столу, за которым сидит мама.

– Это Дэниел? Дэниел, ты что-то в клубе съел? Я слышал, там в выходные многие отравились.

– Я ничего там не ел, – отвечает Дэниел. Папа недавно устроил брата в загородный клуб, и пусть Дэниел просто помощник официанта, он сколотил целое состояние на чаевых. И даже объевшись тухлых моллюсков, все равно потащился бы на работу, лишь бы добавить в свою коллекцию еще одну пару дорогуших кроссовок.

Как обычно, обо мне в семье Стерлингов-Шепардов вспоминают в последнюю очередь. По-моему, даже о нашей таксе Миле папа осведомится раньше, чем обо мне.

– Никому не дурно, – говорю я, когда его лицо появляется из-за маминого плеча. – Я тут подумала... Может, мне сегодня пойти в школу чуть позже? Часов в одиннадцать, например?

Папа удивленно вскидывает брови. Я за всю старшую школу не пропустила ни одного урока. И не потому, что я ни

разу не болела. Просто мне всегда приходится так усердно стараться, чтобы быть лучшей в классе, что я живу в постоянном страхе отстать от остальных. Единственный раз, когда я намеренно пропустила занятие, случился в шестом классе: я тогда неожиданно для себя самой улизнула со скучной экскурсии в Обществе садоводов Массачусетса с двумя мальчишками из моего класса, которых в то время толком даже не знала.

Мы сидели близко к выходу, и в особенно тоскливый момент лекции Кэл О'Ши-Уоллес начал дюйм за дюймом продвигаться к выходу из аудитории. Кэл был единственным парнем в нашем классе с двумя отцами, и втайне я всегда мечтала подружиться с ним: он казался мне забавным, у него, как и у меня, была двойная фамилия, а еще он носил рубашки с узорами, которые странным образом меня гипнотизировали. Он поймал сначала мой взгляд, а потом взгляд сидящего рядом со мной одноклассника, Матео Войцика, и призывно махнул нам рукой. Мы с Матео пожали плечами – а почему нет? – и пошли за ним.

Я-то подумала, мы просто на минуту выйдем в коридор, но прямо перед нами был выход из здания! Когда Матео толкнул дверь, мы выскочили на яркий солнечный свет, а мимо как раз проходил настоящий парад болельщиков «Ред Сокс», празднующих недавнюю победу команды в чемпионате. В общем, вместо того чтобы вернуться на наши места, мы растворились в толпе и два часа бродили по Бостону сами

по себе. А когда вернулись к своим, выяснилось, что никто и не заметил нашего отсутствия. Благодаря этому приключению – Кэл назвал его «Лучший день в жизни» – наша троица быстро сдружилась. В то время казалось, что навсегда.

Наша дружба длилась до восьмого класса.

– А почему в одиннадцать? – Голос папы возвращает меня в реальность. Мама разворачивается на стуле и смотрит на него.

– Сегодня утром первое после выборов собрание, – говорит она.

– Ах, – вздыхает папа, и на его красивом лице отображается сочувствие. – Айви, мне очень жаль, что вчера так вышло. Это никак не связано с твоими способностями. Увы, не в первый – и не в последний! – раз к власти приходит недостойный ее шут. Остается лишь идти с высоко поднятой головой.

– Именно, – кивает мама так ожесточенно, что из ее французского узла чуть не выпадает прядь волос. Но не выпадает. Это же мама. – К тому же я не удивлюсь, если Брайан в конце концов сам уйдет с этого поста. Ведь он совершенно не создан для школьного самоуправления! Только ему надоест – и ты сможешь занять его место.

– Ну конечно! – весело подхватывает папа, будто в том, чтобы подчищать хвосты за Бони Махони ради президентства, нет ничего унижительного. – И помни, Айви: ожидания обычно пугают больше реальности. Наверняка сегодняшний

день будет совсем не так плох, как тебе кажется. – Он кладет руку на спинку маминого стула, и они одновременно улыбаются, ожидая моего согласия, отчего их изображение на экране больше походит на фотографию. Идеальная команда: мама всегда спокойная и расчетливая, папа эмоциональный и жизнерадостный – и оба всегда уверены в своей правоте.

Беда моих родителей в том, что они никогда ни в чем не проигрывают. Саманта Стерлинг и Джеймс Шепард с самой встречи в Школе бизнеса Колумбийского университета были звездной парой, даже когда полгода спустя мой отец отчислился, решив заняться перепродажей домов. Он начал здесь, в своем родном Карлтоне, ближайшем пригороде Бостона, ставшем модным, как раз когда отец приобрел тут пару развалюх в викторианском стиле. Сейчас, двадцать лет спустя, он один из лучших агентов по недвижимости, которым всегда удастся купить подешевле и продать подороже.

В итоге ни один из них не в состоянии понять, зачем может понадобиться выходной. Или даже несколько свободных часов.

Однако, глядя на эти пышущие оптимизмом лица, я не решаюсь им пожаловаться.

– Знаю, – говорю я, подавляя тяжелый вздох, – я просто пошутила.

– Отлично! – говорит мама, одобрительно кивая. – А что ты наденешь сегодня вечером?

– Платье, которое прислала тетя Хелен, – говорю я, чув-

ствуя, что и ко мне возвращается прежний энтузиазм. Старшей сестре моей мамы уже под шестьдесят, но у нее просто отменный вкус – и куча свободных денег благодаря ее романам, ежегодно продаваемым тиражами в сотни тысяч экземпляров. Ее последний подарок – от бельгийского дизайнера, о котором я даже никогда не слышала, – самая стильная вещь в моем гардеробе. Сегодня я впервые в нем выйду.

– А что насчет туфель?

Ничего не поделаешь, к такому платью у меня нет подходящих туфель. Может, тетя Хелен выручит меня и с ними, когда продаст свою следующую книгу.

– Черные, на каблуках.

– Идеально, – говорит мама. – И кстати, насчет ужина: не ждите нас, мы приедем слишком поздно. Можете разморозить чили или...

– Я пойду в «Олив гарден» с Тревором, – перебивает ее Дэниел. – Сразу после тренировки по лакроссу.

Мама хмурится.

– Ты уверен, что успеешь?

Это намек моему брату, чтобы он изменил свои планы.

– Конечно.

Мама уже готова возразить, когда папа упирается костяшками пальцев в стол.

– Заканчивай, Саманта, – говорит он. – Тебе еще вещи собирать.

– Точно, – вздыхает мама. Когда дело касается сбора ве-

щей, она ненавидит спешить, поэтому разговор заканчивается, и вдруг она добавляет: – Да, Айви, ты приготовила заметки для церемонии?

– Конечно. – Я корпела над ними почти всю неделю. – Я отправила их тебе по электронке еще вчера, помнишь?

– Да, помню. Речь просто чудесная. Но я имела в виду... – Впервые с начала нашего разговора мама выглядит неуверенной в себе, чего почти никогда не бывает. – Ты распечаталась ее и возьмешь с собой? Я знаю, как ты... Я знаю, ты иногда нервничаешь перед большой аудиторией.

У меня скрутило живот.

– Я уже положила ее в рюкзак.

– Дэниел! – вдруг кричит папа. – Поверни компьютер, Айви. Я хочу поговорить с твоим братом.

– Что? Зачем? – возмущается Дэниел, пока я разворачиваю экран, а мои щеки начинают пылать от унижения. Я знаю, что сейчас будет.

– Так, послушай, сын. – Я не вижу папу, но представляю, как он старается принять суровый вид. – Ты должен пообещать мне, что ни при каких обстоятельствах не испортишь заметки сестры.

– Пап, я и не собирался... Черт! – Дэниел плюхается на стул и картинно закатывает глаза, а я всеми силами пытаюсь держать себя в руках и не швырнуть ему в голову свою чашку. – Давайте забудем про это, а? Вообще-то я пошутил. Я же не думал, что она и правда станет это читать.

– Это не обещание, – говорит папа. – У твоей мамы сегодня важный день. И ты знаешь, как ты тогда расстроил сестру.

Если они продолжают мусолить эту тему, я и правда не выдержу.

– Папа, все нормально, – говорю я напряженно. – Это была просто тупая шутка. Проехали.

– А по тебе не скажешь, – замечает папа. И он прав.

Я снова разворачиваю ноутбук к себе и растягиваю рот в улыбке.

– Да нет, правда. Я уже забыла.

Судя по отразившемуся на его лице сомнению, он мне не верит. Да и не должен. После вчерашнего унижения – да, конечно, я пока забыла о том, что случилось прошлой весной. Но нет, никуда мы пока не «проехали».

Ирония заключается в том, что та речь не была какой-то особенно важной. Я просто должна была произнести заключительное слово на весеннем шоу талантов, зная, что никто особо не будет меня слушать. Однако вся речь, как всегда, была у меня в распечатанном виде, потому что я всегда теряюсь при большом количестве народа и боюсь что-то упустить.

Только поднявшись на сцену перед всем классом, я поняла, что Дэниел украл лист с моей речью и заменил его другим – а именно страницей из последнего эротического романа тети Хелен о пожарных, «Пламя внутри». Я вдруг впала

в какое-то паническое состояние и начала его читать. Вслух. Сначала в полной тишине, потому что озадаченная публика решила, что это часть шоу, а когда всем стало ясно, что это не так, – то под их истерический хохот. Наконец кто-то из учителей выбежал на сцену и остановил меня, как раз в тот момент, когда я описывала героя со всеми его анатомическими особенностями.

Я все еще не понимаю, как это произошло. Почему мой мозг дал сбой, а рот продолжал говорить? Но все случилось именно так, и это было просто ужасно. Особенно теперь, когда не осталось сомнений, что именно в тот момент вся школа начала воспринимать меня как посмешище.

А Бони Махони просто сделал этот статус официальным.

Папа продолжает читать нотации брату, хотя больше не видит его.

– У твоей тети невероятный творческий потенциал, Дэниел. Тебе очень повезет, если ты когда-нибудь будешь хотя бы наполовину так же успешен, как она.

– Знаю, – мычит Дэниел.

– Кстати, до отъезда я заметил, что она прислала нам сигнальный экземпляр книги «Ты не примешь удар на себя». Если сегодня вечером я услышу из нее хоть слово...

– Пап, хватит, – перебиваю я. – Вечер пройдет идеально. – Заглянув в широко раскрытые встревоженные глаза мамы, в которых словно отражаются все мои недавние неудачи, я придаю голосу уверенности. Мне нужно вернуться в колею

и навсегда позабыть об этом взгляде. – Все будет так, как ты того заслуживаешь, мам. Я обещаю.

Глава 2

Матео

Проблема всех рабочих лошадок в том, что ты и понятия не имеешь, сколько на тебя могут всего взвалить, пока в один момент этого не произойдет.

Раньше мне казалось, что я очень много помогаю по дому. Гораздо больше, чем, например, мои друзья. Теперь, когда мама не может сделать и половины из того, что делала раньше, факты говорят сами за себя: ни черта тот прошлый Матео не делал. Я пытаюсь брать на себя больше ответственности, но чаще всего даже не понимаю, что надо делать, пока не становится слишком поздно. Вот и сейчас стою и пялюсь в пустой холодильник. Вчера пять часов проработал в супермаркете и даже не подумал, даже ни единой мысли не было, что, возможно, надо купить что-то из продуктов домой.

– Ой, зайка, прости, у нас почти все закончилось, – говорит мама. Вообще-то она в гостиной, делает свои упражнения, но на первом этаже у нас полностью открытая планировка, а кроме того, я не сомневаюсь, что у нее есть глаза на затылке. – На этой неделе никак не могу доехать до магазина. Можешь позавтракать в школе?

Еда в кафетерии Карлтонской старшей школы – полный отстой, однако пожаловаться на это мог только Матео из прошлого.

– Да не вопрос, – говорю я, закрывая дверцу холодильника под урчание живота.

– Держи. – Я поворачиваюсь как раз в тот момент, когда моя двоюродная сестра Отем, сидящая за кухонным столом с расстегнутым наполовину рюкзаком, швыряет мне энергетический батончик. Я ловлю его одной рукой, сдираю упаковку и тут же откусываю половину.

– Спасибо, – бурчу я с набитым ртом.

– Всегда к твоим услугам, бразен.

Отем живет с нами уже семь лет – с тех пор как ее родители погибли в автомобильной аварии, когда ей было одиннадцать. Мама к тому времени уже была матерью-одиночкой – они с папой только развелись, что привело в настоящий ужас всю ее пуэрто-риканскую семью и нисколько не встретило его польскую, – а Отем была ей племянницей именно по мужу, а не по крови. Это должно было отодвинуть маму в самый конец списка ответственных за убитую горем сироту, входящую в подростковый возраст, особенно если учесть количество женатых пар со стороны папы. Но мама всегда была тем взрослым, который разгребает дерьмо.

И в отличие от всех остальных, Отем ей была действительно нужна.

– Мы нужны этой девочке, а она нужна нам, – сказала мне мама в ответ на яростное возмущение по поводу того, что комнату, которая когда-то была моей игровой, вдруг перекрасили в девчачий лавандовый. – Мы ведь не бросим друг

друга, правда?

Сначала мне все это совсем не нравилось. Отем тогда частенько давала нам жару, что было вполне нормально, однако совершенно неприемлемо для меня десятилетнего. Было непонятно, что именно может вывести ее из себя или какой предмет она в очередной раз начнет колотить. Когда мама впервые взяла нас в магазин, ничего не подозревающая кассирша сказала моей сестре:

– Какие красивые рыжие волосы! Вы с братом совсем непохожи!

Лицо Отем исказилось.

– Он мне кузен, – процедила она. – У меня нет родных братьев. У меня вообще никого нет. – И ударила кулаком по витрине со сладостями возле кассы.

Пока я собирал посыпавшиеся с витрины шоколадки, мама взяла Отем за плечи и отвела в сторону. И заговорила спокойно, словно никакой катастрофы и не случилось:

– Ну, сейчас у тебя есть и брат, и кузен.

– Бразен, – сказал я, рассовывая сладости по витрине в произвольном порядке. От этого слова Отем усмехнулась и даже чуть не рассмеялась – так оно ко мне и прилипло.

Только я умял в три захода первый батончик, как она бросила мне еще один.

– Ты сегодня в продуктовом работаешь?

Прежде чем ответить, я откусил кусок побольше.

– Нет, в «Гарретс». – Это моя любимая работа: простень-

кая забегаловка, где я обслуживаю столики. – А ты? Официанткой?

– Фургон-убийца, – отвечает Отем. Она работает в том числе и в компании «Соррентос», которая занимается заточкой ножей: ездит по ресторанам Бостона и пригорода в стареньком белом фургоне с изображением огромного ножа на одном боку. Над прозвищем долго не думали.

– А как доберешься? – спрашиваю я. У нас только одна машина, так что наши передвижения – настоящий фокус с жонглированием.

– Меня Гейб отвезет. Если хочешь, он может подбросить тебя до школы.

– Я пас. – Я даже не пытаюсь скрыть выражение своего лица. Отем знает, что я терпеть не могу ее парня. Они начали встречаться перед выпускным, прошлой весной, и я думал, это продлится не дольше недели. Как говорит Отем, у меня появилась к нему «необъяснимая неприязнь», едва я услышал, что на звонок телефона он отвечает словом *Dígame*¹. Он и сейчас так делает. Всегда.

– Да какая тебе разница? – спрашивала она, когда я начинал жаловаться. – Это просто приветствие. Хватит искать причины для ненависти.

А мне кажется, это позерство. Он даже не говорит по-испански.

Гейб совершенно не подходит моей сестре: Отем всегда

¹ Говорите (*исп.*).

и за все переживает, а Гейбу всегда и на все плевать. Когда-то он был заводилой на всех вечеринках Карлтонской школы, а теперь решил «годик отдохнуть». Насколько я понял, это значит просто делать вид, что все еще учишься в школе, только у тебя нет домашки. Он нигде не работает, однако умудрился купить себе новенький «Камаро», и теперь каждый раз, когда он забирает Отем, наша улица оглашается невообразимым ревом.

Она скрещивает руки на груди и склоняет голову.

– Ладно. Если хочешь тащиться милю просто из-за упрямства, то иди.

– Ну и пойду, – ворчу я, дожевывая второй батончик и швыряя обертку в мусорку. Может, я просто завидую Гейбу. В последнее время я готов сорваться на любого, у кого есть что-то, чего он не вполне заслуживает. У меня две работы, а у Отем, которая закончила Карлтонскую старшую школу в прошлом году, их три. И даже этого мало. С тех пор как мы пропустили удар-двойку.

Я поворачиваюсь и вижу, как медленно, стараясь скрыть хромоту, на кухню входит мама. Удар номер один: в июне у нее диагностировали остеоартрит – какую-то долбаную болячку, которая разрушает суставы, редкую для людей ее возраста. Она постоянно делает упражнения, но ходьба все равно причиняет ей боль, если не принимать противовоспалительные препараты.

– Как ты себя чувствуешь, тетя Елена? – спрашивает Отем

слишком жизнерадостным голосом.

– Отлично! – Голос мамы звучит еще веселее.

Я сжимаю челюсти и смотрю в сторону, потому что не умею притворяться, как они. Для меня словно обухом по голове наблюдать как моя мама, бегавшая когда-то по пять километров в день, по выходным играющая в софтбол, с трудом добирается из гостиной на кухню.

Я не считаю, что в жизни есть место справедливости. И понял я это даже не семь лет назад, когда пьяный водитель врезался в машину родителей Отем, а сам остался без единой царапины. Хотя это тоже показательный пример.

Мама доходит до кухонного острова и опирается на него.

– Ты не забыла забрать мои лекарства? – спрашивает она Отем.

– Да, точно, они у меня. – Отем роется в своем рюкзаке, выуживает из него белый аптечный пакетик и передает моей матери. – И вот сдача.

– Сдача? – Мама с удивлением рассматривает пачку двадцаток в руке Отем. Ее таблетки стоят целое состояние. – Я не думала, что останется сдача. Сколько?

– Четыреста восемьдесят долларов, – любезно отвечает Отем.

– Но как?.. – Мама выглядит совершенно растерянной. – Ты расплатилась моей кредиткой?

– Нет, в этот раз нужно было доплатить всего двадцать долларов. – Мама все еще не собирается забирать деньги,

поэтому Отем встает и кладет их перед ней на стол. А потом вновь садится, берет со стола резинку для волос и собирает волосы в хвост, спокойно и буднично. — Аптекарь сказал, препарат другой.

— Другой? — повторяет мама.

Я упираюсь взглядом в пол.

— Да, говорит, появился аналоговый препарат. Но ты не переживай — лекарство, по сути, то же самое.

Отем — отличная актриса, но у меня по-прежнему напряжены плечи, потому что мама чует вранье лучше любого детектора лжи. Впрочем, сейчас она только удивленно хлопает глазами, а потом благодарно улыбается — и это говорит лишь о том, как тяжело ей дались последние месяцы.

— Отличная новость. — Она достает желтую бутылочку из аптечного пакета, открывает крышку и заглядывает внутрь, словно не веря, что это то же самое лекарство. Видимо, таблетки проходят ее проверку, потому что она ковыляет к шкафчику у холодильника, достает оттуда стакан и наполняет его водой из-под крана.

Мы с Отем следим за ней, словно ястребы, пока она наконец не проглатывает таблетку. Мама целыми неделями пропускала прием лекарств, пытаясь растянуть последний пузырек максимально надолго, потому что в наших финансах теперь зияет огромная дыра.

А это удар номер два: раньше у моей мамы был собственный бизнес, боулинг-центр «Запасной шар», одно из основ-

ных заведений Карлтона. Там работала и сама мама, и мы с Отем, и это было невероятно здорово. Пока полгода назад один парень не поскользнулся на гладкой дорожке и не ударился так сильно, что его родители подали на нас в суд. К тому моменту как буря улеглась, «Запасной шар» уже был банкротом, и мама отчаянно пыталась его продать. Непре-
взойденный карлтонский агент по недвижимости Джеймс Шепард взял его за бесценок.

– Просто бизнес, ничего личного, – постоянно повторяет мне мама. – Хорошо, что его купил именно Джеймс. Он делает там что-нибудь полезное.

Да, пожалуй. Он даже показывал маме планы на боулинг-клуб/развлекательный центр – совершенно несоразмерный нашему городу. Предложил ей, когда дойдет до дела, стать его консультантом. Возможно, даже появится какая-то непыльная работа в офисе. Но, видно, не скоро.

Дело в том, что когда-то я дружил с дочкой Джеймса, Айви. И я совру, если скажу, что мне было не обидно узнать о планах Джеймса от него самого, а не от нее. Она же в самом центре событий. Узнает все новости гораздо раньше остальных. Могла бы дать мне хоть какой-то намек.

Не знаю, почему я так расстраиваюсь. Как будто это что-то меняет. Мы все равно давно не общаемся. Но когда Джеймс Шепард пришел к нам домой со своим розово-золотистым ноутбуком и кучей бумажек, весь такой благожелательный и любезный, объясняя, как его компания восстановит руины

маминой мечты, я мог думать только: «Черт возьми, Айви, ты могла бы меня предупредить».

– Матео, вернись на землю! – Я даже не заметил, как подошла мама, так что, наверное, уже давно витаю в облаках. Такие выпадания из реальности напрягают маму: она смотрит на меня так пристально, словно пытается заглянуть внутрь черепной коробки. Иногда мне даже кажется, что она готова вытащить из черепа мой мозг. – Уверен, что не хочешь поехать со мной на день в Бронкс? Тетя Роуз будет счастлива тебя повидать.

– У меня школа, – напоминаю ей я.

– Знаю, – вздыхает мама. – И все же, по-моему, можно разок пропустить, взять выходной. – Она поворачивается к Отем. – Вам обоим. Вы очень много работаете.

Она права. Выходной – это отличная идея, если бы не семь часов дороги в одной машине с подругой мамы по колледжу, Кристи. Как только она узнала, что мама хочет съездить на девяностолетие тети Роуз, тут же вызвалась быть ее шофером, и это очень мило с ее стороны, ведь мама больше не в состоянии долго вести машину. Однако Кристи никогда не замолкает. Вообще никогда. Так что в конце концов любой разговор сводится к тому, что они с мамой делали в колледже, а я предпочел бы вообще никогда об этом не знать.

– Жаль, но не получится, – вру я, – в «Гарретс» сегодня не хватает свободных рук.

– А я нужна мистеру Сорренто, – быстро говорит Отем.

Она ненавидит монологи Кристи еще больше, чем я. — Увы, ножи сами себя не заточат. Тем не менее мы обязательно позвоним тете Роуз и поздравим ее с юбилеем.

Прежде чем мама успевает ответить, дом заполняет знакомый рев, я стискиваю зубы и иду на крыльцо. Разумеется, красный «Камаро» Гейба тут как тут: мотор ревет во всю мощь, а сам он высовывает руку из окна, делая вид, что меня не замечает. Весь ссутулился в кресле, но я все равно вижу его зализанные назад волосы и зеркальные солнечные очки. Стал бы я ненавидеть Гейба меньше, если бы он выглядел не так убого? Кто знает...

Я поднимаю руки и начинаю медленно хлопать, когда ко мне выходит Отем, удивленно смотря то на меня, то на машину.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

— Аплодирую движку Гейба, — отвечаю я, хлопая так сильно, что ладони горят. — По-моему, для него очень важно, чтобы люди это отметили.

Отем толкает, прерывая бурные аплодисменты.

— Не будь уродом.

— Урод здесь он, — отвечаю я на автомате. Этот спор бесконечен.

— Детка, давай быстрее, — зовет Гейб и призывно машет рукой. — Опоздаешь на работу.

В руках Отем звонит телефон, и мы оба бросаем взгляд на экран.

– Что за Чарли? – спрашиваю я, перекрикивая рев мотора. – Замена Гейба? Пожалуйста, скажи «да».

Отем сбрасывает звонок и убирает телефон в рюкзак.

– Никто.

Я чувствую покалывания в затылке. Я знаю этот тон, и он не предвещает ничего хорошего.

– Один из них?

Она уверенно мотает головой.

– Меньше знаешь – крепче спишь.

– Делаешь сегодня дополнительные остановки?

– Возможно.

У меня дергается челюсть.

– Не надо.

Ее губы вытягиваются в тонкую прямую линию.

– Надо.

– И сколько еще? – Этот спор тоже бесконечен.

– Сколько получится, – отвечает Отем.

Она закидывает рюкзак повыше на плечо и смотрит мне в глаза. На ее лице застыл все тот же вопрос, что она задает мне несколько недель: «Мы ведь не можем друг друга бросить, правда?»

Я не хочу кивать, но как еще я могу ей ответить?

Да, не можем.

Глава 3

Кэл

– Он оранжевый, – говорю я Виоле, когда она ставит передо мною тарелку с пончиком.

– А то! – Виоле уже, пожалуй, за сорок, но она закатывает глаза не менее агрессивно, чем любой подросток Карлтонской школы. – Это же крошки от «Читоса».

Я неуверенно тыкаю пончик с одной стороны. Подушечка пальца тоже становится ярко-оранжевой.

– И это можно есть?

– Милый, ты знаешь девиз нашего заведения. – Она кладет одну руку на бедро и склоняет голову, призывая меня самому закончить это предложение.

– «Чем чуднее, тем вкуснее», – покорно говорю я.

– Вот именно. – Она хлопает меня по плечу, а потом поворачивается и уходит к кухне. – Хорошенько распробуй: пончик покрыт «Читосом», а внутри баварский крем.

Я разглядываю оранжевое кольцо на тарелке со смесью нетерпения и страха. «Пончиковое безумие» – мое любимое заведение для завтрака в пригороде Бостона, но я давненько сюда не заглядывал. Найти того, кому хочется попробовать таких пончиков на самом деле, а не на спор, довольно сложно. Моя бывшая девушка, Ноэми, отвергала все, что содержит глютен, так что она даже заходить сюда отказалась, как я

ее ни умолял. В конечном итоге она бросила меня в «Веджи Гэлакси»².

– Не понимаю, что с тобой происходит. Ты вообще на себя не похож, – сказала она мне на прошлой неделе за тарелкой салата с кейлом и сейтаном. – Как будто настоящего Кэла похитили пришельцы, а взамен оставили странную оболочку.

– Ясно. Жестоко, – забормотал я, чувствуя удар под дых, хотя уже давно этого ждал. Конечно, не именно этого, но чего-то подобного. Мы всю неделю почти не виделись, и вдруг она пишет: «Давай сходим завтра в «Веджи Гэлакси». У меня сразу появилось нехорошее предчувствие, и даже не потому, что я ненавижу кейл. – Я был немного занят, вот и все.

– А впечатление такое, будто ты не занят, а... – Ноэми перекинула косички через плечо и, раздумывая, сморщила носик. Она и правда очень красивая, и в тот момент я ощутил острую боль от осознания, как сильно она мне когда-то нравилась. Она мне по-прежнему нравилась, но... теперь все очень запуталось. – Будто ты не занят, а перестал стараться. Ты делаешь что-то только потому, что вроде как должен делать. Ты посмотри на себя, – добавила она, указывая на мою тарелку. – Съел почти целую тарелку кейла и ни разу не пожаловался. Ты приспособленец.

– Я и не думал, что критика вкусовых предпочтений – залог крепких отношений, – проворчал я, в очередной раз набивая рот салатом. И тут меня чуть не стошнило, потому что,

² Veggie Galaxy – вегетарианский ресторан.

ну честное слово, такую хрень могут есть только кролики. Через несколько минут Ноэми попросила счет, настояла на том, чтобы его оплатить, – и вот я снова один. Вроде как. Конечно, Ноэми могла догадаться, что меня уже давно интересуется другая, но необязательно же в отместку загонять мою самооценку ниже плинтуса.

– Побудь пока наедине с самим собой, Кэл, – сказал мне потом папа. Вернее, один из моих пап. У меня их два, а еще биологическая мама, с которой мы видимся несколько раз в год, – она была подругой моих отцов по колледжу, а семнадцать лет назад стала еще и суррогатной матерью. Я обоих зову отцами, что кажется мне вполне естественным, хотя для некоторых моих одноклассников это почему-то невероятно сложно. Например, для Бони Махони, который в начальной школе постоянно меня спрашивал: «Но как они понимают, с кем из них ты говоришь?»

Все просто. Каждого из отцов я зову с немного разной интонацией. Однако такими вещами не делятся с парнями вроде Бони, чьи навыки общения сродни кирпичу. Поэтому я сказал ему, что называю их по именам – Уэс и Генри. На самом деле я называю их по именам только в разговоре с посторонними.

В общем, именно к папе Уэсу я иду со всеми душевными переживаниями.

– Жизнь – это не только романтические отношения, – ска-

зал он мне, когда мы с Ноэми расстались. Он декан Карлтонского колледжа и наверняка боится, что свидетельство о браке я могу получить быстрее, чем диплом об окончании университета. – Сосредоточься пока на друзьях.

Да уж. Сказал человек, который никогда не встречал моих друзей, потому что у меня довольно специфические отношения со сверстниками. Все мы легко бросаем друг друга, как только находим что-то получше, а когда это что-то заканчивается – так же легко сходимся снова. В последний раз настоящие друзья у меня были в средней школе. Уэс, знающий о моей общественной жизни гораздо больше, чем может допустить уважающий себя семнадцатилетний подросток, считает, что я слишком рано начал ходить на свидания. А по моему, как раз наоборот. Но это разговор из разряда, что появилось раньше – курица или яйцо.

По крайней мере, моя новая девушка любит то же самое, что и я: искусство, комиксы и калорийные завтраки с нулевой полезностью. Возможно, статус «новая девушка» звучит слишком громко. Мы с Ларой пока не определились. Тем не менее я, не задумываясь, сорок минут гнал по пробкам, чтобы съесть с ней по странному пончику.

Десять минут спустя мой пончик уже черствый. Вибрирует телефон, рядом с именем Лары высвечивается ряд грустных эмодзи.

«Прости, все-таки не получилось! Есть дела».

Я стараюсь побороть разочарование: с Ларой всегда так.

Неожиданно появляются какие-то дела. Только садясь в машину, я уже знал, что шансы на встречу пятьдесят на пятьдесят.

Придвигаю к себе тарелку, откусываю большой кусок посыпанного «Читосом» пончика с баварским кремом и задумчиво жую. Сладкий, соленый и с сильным привкусом плавленого сыра. Чудесный! Остальное я поглощаю в три укуса, вытираю руки о салфетку и смотрю на часы на стене. Обратная дорога до Карлтона, куда нет пробок, займет меньше получаса, а еще нет и восьми. Времени полно.

Сумка стоит рядом на полу, наклоняюсь и достаю ноутбук. Браузер уже открыт на моем старом сайте на «Вордпресс», и я в несколько кликов захожу в первый созданный мною веб-комикс.

«Лучший день в жизни». Текст и иллюстрации Кэлвина О'Ши-Уоллеса.

Пару недель назад я показал все свои веб-комиксы Ларе, и она тут же заявила, что этот самый лучший. Что было немножко обидно, ведь я нарисовал его в двенадцать лет. Она сказала, что в моих новых работах не хватает «энергетики». Что ж, не исключено. Я начал его в тот день в шестом классе, когда мы с Айви Стерлинг-Шепард и Матео Войчиком сбежали с экскурсии и бродили по Бостону, так что в каждой картинке комикса царит какое-то особое радостное опьянение, отражающее мои чувства от побега с той скучной лекции.

И сходство героев там, уж поверьте, разительное. Айви во-

обще как живая: ее светлые волосы – при карих глазах – развеваются на ветру, собранные в хвост (она до сих пор убирает их точно так же), а выражение ее лица одновременно взволнованное и радостное. Грудь, конечно, можно было бы нарисовать побольше, чем была у нее тогда, да и сейчас, но чего вы хотите? Мне едва стукнуло двенадцать.

Матео я нарисовал менее правдоподобным. Главным героем «Лучшего дня в жизни» должен был стать я, а он – моим другом и помощником. Изобрази я его печальным и задумчивым, ничего бы не вышло – девчонки сходили от этого с ума даже в шестом классе. Так что в моем комиксе он был пониже. И покостлявее. Плюс проблемы с кожей. Зато, как и в жизни, он был немногословен и остроумен.

– Эй! Ты еще здесь? – Возле меня материализуется Виола и забирает пустую тарелку. Я как раз остановился на окошке, в котором несусь по парку Бостон-Коммон во всем великолепии двенадцатилетнего подростка: с развевающимися рыжими волосами и в рубашке в цветочек. – Это кто нарисовал?

– Я, – отвечаю я, переходя к следующему окошку, где мое лицо выделяется не так сильно. Здесь со мной еще и Айви с Матео. – Когда мне было двенадцать.

– Вот это да. – Виола теребит череп, болтающийся у нее на шее поверх футболки с логотипом группы Ramones. В моем возрасте она была барабанщицей панк-рок-группы, и я очень сомневаюсь, что ее видение прекрасного за прошед-

шие тридцать лет как-то изменилось. – Да у тебя талант, Кэл!
А эти двое кто такие?

– Друзья.

– Не припоминаю, чтобы вы приходили сюда вместе.

– Они тут никогда не были.

Я произнес это спокойно, даже пожав плечами, но у самого от этих слов внутри все сжалось, словно от тирады Ноэми о том, что я «ненастоящий». Хотя с восьмого класса мы с ними едва парой слов перекинулись, таких друзей, как Айви и Матео, у меня больше не было. Наверное, отдаляться от друзей вполне нормально, когда переходишь в старшую школу. Да и не сказал бы, что конец нашей дружбы стал для меня особо драматичным событием. Мы не ссорились, не обижались друг на друга, не говорили слов, которые невозможно потом взять назад.

Но меня все равно не покидает чувство, что все это случилось по моей вине.

– Хочешь еще пончик? – спрашивает Виола. – Наверняка тебе понравится наш новый вкус – фундук с беконом.

– Нет, спасибо. Пора ехать, а то в школу опоздаю. – Я закрываю крышку ноутбука и засовываю его обратно в сумку. Деньги оставляю на столе – их хватит и на три пончика. Компенсация за то, что у меня нет времени ждать нормальный счет. Закидываю сумку на плечо. – Еще увидимся!

– Надеюсь, – откликается Виола, а я уже проношусь мимо парочки хипстеров с одинаковыми стрижками и в колорит-

ных футболках. – Нам тут тебя не хватало.

* * *

В целом я не верю в концепцию судьбы. Но на обычное совпадение это мало похоже: только я выхожу из машины на школьной стоянке, как сталкиваюсь с Айви Стерлинг-Шепард.

– Привет, – говорит она, а ее брат Дэниел, пробубнив что-то себе под нос, проходит мимо. Этот парень здорово вымахал с девятого класса: на днях я едва узнал его, вышагивающего по школе в форме для лакросса.

Айви провожает брата таким взглядом, словно сама в этот момент думает о том же, а потом поворачивается ко мне.

– Ого, Кэл! Сто лет не виделись.

– Да уж. – Я прислоняюсь к своей машине. – Разве ты не уезжала в Шотландию?

– Да, на шесть недель летом. Мама ездила туда читать лекции.

– Здорово, наверное. – Возможно, Айви уехала подальше после фиаско на шоу талантов. Я наблюдал его со второго ряда вместе с Ноэми и ее друзьями, загибающимися от хохота. Да я и сам хохотал. Никак не мог сдержаться. А потом подумал, что Айви увидит, и мне стало стыдно. От этих воспоминаний я начинаю ежиться и быстро добавляю: – Так странно! Я как раз думал о тебе.

Мы с Айви всегда были только друзьями, так что я не переживаю, что она может неправильно меня понять. Мол, черт возьми, детка, я только о тебе и думаю. Однако я искренне удивляюсь, когда она говорит:

– Правда? Я тоже. В смысле думала о тебе.

– Да ладно?

– Да. Пыталась вспомнить, когда последний раз прогуливала школу, – говорит она, нажимая на кнопку брелока и блокируя свою черную «Ауди». Я помню эту машину со средней школы, так что это определенно старая машина ее родителей, однако тоже неплохо. Особенно для выпускницы старшей школы. – Знаешь, когда? В тот день, когда мы сбежали с экскурсии.

– Поразительно! Как раз тот денек я и вспоминал, – говорю я, и мы понимающе ухмыляемся. – Кстати, поздравляю твою маму.

Она смотрит на меня удивленно.

– Что?

– Она ведь стала в этом году почетным жителем Карлтона?

– Ты в курсе?

– Мой папа член совета. Уэс, – добавляю я. Когда мы дружили, Айви всегда понимала, которого папу я имею в виду, и уточнять не требовалось.

– Серьезно? – Ее глаза расширяются. – Мама совершенно не ожидала. Она говорит, что те, кто занимается статистикой, сродни героям невидимого фронта. К тому же награду

обычно дают за какие-то местные заслуги, а доклад об опиоидах... Не сказать, что это больная точка Карлтона.

— А я бы с тобой поспорил. Эту дрянь стали находить по всему кампусу. Уэс даже собрал специальный комитет, чтобы разобраться с проблемой. — Айви ничего не любит так, как всякие специальные комитеты, и я быстро меняю тему, пока она не начала выдвигать свои предложения. — И проголосовал именно за твою мать. Они с Генри тоже придут на сегодняшний вечер.

— Мои родители чуть его не пропустили. Они улетели в Сан-Франциско отметить годовщину свадьбы, так что пришлось постараться, чтобы поменять обратные билеты и прилететь вовремя.

Типичный жест семьи Стерлинг-Шепард: им всегда и во всем хочется быть лучшими. Мои отцы просто записали бы благодарственную речь на видео и остались бы в Сан-Франциско.

— Здорово, — говорю я, и эта фраза звучит как сигнал к окончанию разговора. Но мы оба продолжаем стоять, пока мне не становится настолько неловко, что я заглядываю ей за спину. А потом заглядываю внимательней, заметив, как через заграждение вокруг стоянки перемахивает высокий темноволосый парень. — Черт! Звезды-то как сегодня сошлись! Вот и третий член нашего тайного трио!

Айви оборачивается как раз в тот момент, когда Матео нас замечает. Он смотрит в нашу сторону и собирается идти

дальше, в класс, однако я поднимаю руку и машу ему что есть сил. Проигнорировать такое может только настоящий говнюк, а Матео – хоть он и из тех, кто скорее будет глотать ножи, чем впустую трепать языком, – все-таки не говнюк, поэтому подходит к нам.

– Что тут у вас?

Айви вдруг начинает нервничать и накручивать конец своего хвоста на палец. Мне тоже становится неуютно. Подозвать-то я его подозвал, а что сказать ему, понятия не имею. Говорить с Айви несложно, надо лишь избегать таких неудобных тем, как шоу талантов, или то, как она провалилась вчера на школьных выборах и проиграла Бони Махони. Но что сказать Матео? Теперь я знаю о нем только то, что его маме пришлось закрыть свой боулинг. Не лучшее начало разговора.

– Мы как раз обсуждали «Лучший день в жизни». – Я внутренне морщусь, потому что такое название казалось отстойным, даже когда нам было по двенадцать. Но вместо того чтобы пренебрежительно фыркнуть, Матео устало улыбается. Впервые я замечаю круги у него под глазами. Как будто он неделю не спал.

– Да, было время, – соглашается он.

– Что угодно отдала бы, лишь бы не идти сегодня в школу. – Айви все еще теребит свои волосы, глаза блуждают по школьному двору. Можно не спрашивать почему. Торжественная речь Бони будет невыносима всем нам, но ей осо-

бенно.

Матео проводит рукой по лицу.

– Та же беда.

– Так давайте не пойдем! – Я вообще-то шучу, однако все кивают. Тут я понимаю, что и сам не прочь. Сегодня у меня два общих урока с Ноэми, тест по истории, к которому я не готов, и никакой надежды увидеть Лару. В общем, ничего лучше буррито на обед. – Серьезно, почему нет? – повторяю я, все больше воодушевляясь. – Вы в курсе, как сейчас просто сбежать с уроков? Никто и проверять не станет, если родители позвонили до первого звонка. Вот смотрите. – Я достаю из кармана телефон, ищу в своих контактах «Школу Карлтона» и нажимаю на появившийся на экране номер. Прислушиваю главное меню, пока автоматизированный голос не начинает свою монотонную речь: «Если вы хотите заявить о пропуске...»

Айви облизывает губы.

– Что ты делаешь?

Я нажимаю на телефоне цифру три и удерживаю палец, пока не слышу громкий звуковой сигнал.

– Доброе утро. Это Генри О’Ши-Уоллес, звоню насчет своего сына Кэлвина. Сейчас восемь пятьдесят утра, вторник, двадцать первое сентября, – говорю я спокойным и уверенным голосом своего отца. – К сожалению, у Кэлвина небольшая температура, так что мы на всякий случай оставим его сегодня дома. Он выполнит все задания и принесет

их на проверку в среду.

Когда я жму на отбой, Матео усмехается:

– Я и забыл, как хорошо ты имитируешь чужие голоса.

– Это еще цветочки, – говорю я, многозначительно глядя на Айви. Мой взгляд говорит сам за себя: если ты против, пора бы меня остановить. Но она этого не делает, и я набираю номер снова, только включаю громкую связь, чтобы они с Матео все слышали. После гудка я говорю глубоким баритоном:

– Здравствуйте, это Джеймс Шепард. Боюсь, Айви сегодня не придет, у нее недомогание. Спасибо и хорошего дня! – Я отключаюсь, а Айви приваливается к своей машине, прижав руки к лицу.

– Поверить не могу! Я думала, ты блефуешь...

– Не думала, – усмехаюсь я.

Ее полуулыбка говорит о том, что я прав, и все же она реально нервничает.

– Не уверена, что это хорошая мысль, – тянет Айви, водя носком ботинка по земле. Она по-прежнему одевается, как прилежная ученица, но теперь выбирает более темную цветовую гамму: черный свитер, серая мини-юбка в клетку, черные колготки – и выглядит лучше, чем в средней школе. – Может, получится выдать все это за шутку...

– А я? – перебивает Матео. Мы поворачиваемся к нему, а он, приподняв брови, наклоняется ко мне. – Сможешь изобразить мою маму, Кэл?

– Уже нет – спасибо пубертату. – Я снова набираю школьный номер, а потом передаю трубку Айви.

Она, уставившись на меня, делает шаг назад.

– Что? Нет. Я не могу!

– Нет, это я не могу, – говорю я, пока записанный на автоответчик голос заводит свою пластинку. Никто не поверит, что Матео отпрашивает его отец. Он никогда не вмешивался в школьные дела сына. – И Матео не может. Или ты, или никто.

Айви бросает взгляд на Матео.

– Мне попробовать?

– А почему нет? – Он пожимает плечами. – Выходной не помешает.

Раздается длинный гудок, и Айви выхватывает у меня телефон.

– Да, алло, – говорит она осторожно. – Это Елена Вой... Рейес. – Когда она ошибается, Матео закатывает глаза. – Я звоню насчет сына. Матео Войчика. Он болен. У него... стрептококк.

– Айви, нет! – шепчу ей я. – После такого нужна будет справка от врача.

Она замирает.

– Ах, нет, не стрептококк. У него болит горло. Это я так, на всякий случай. Если результат анализа будет положительным, я перезвоню, но я уверена, что ничего серьезного нет, так что не ждите моего звонка. Так или иначе Матео сегодня

не будет, до свидания. — Она отключается и кидает телефон обратно мне.

Я в ужасе смотрю на Матео. Настоящий провал. Тот, кто будет слушать это сообщение, может сразу перезвонить его маме. Мне кажется, он сейчас вспылит... А он начинает хотать! И вдруг весь преобразается: смеющийся Матео уже не похож на парня, который делает вид, будто не замечает меня, проходя мимо по школьному коридору; он снова похож на моего старого друга.

— Я и забыл, что ты не способна соврать даже под страхом смерти, — говорит он Айви, все еще улыбаясь. — Это, конечно, провал.

Она кусает губы.

— Я могу позвонить еще раз и сказать, что тебе уже лучше.

— От этого станет только хуже, — отвечает ей Матео. — Но я серьезно: выходной не помешает. — Стоянка обезлюдела, а в школе звенит звонок. Если мы намерены сбежать с уроков, то сейчас самое время.

— А куда мы вообще поедем? — спрашивает наконец Айви, когда раздается второй звонок на урок.

— Конечно, в Бостон, — ухмыляюсь я, открывая свою машину. — Я за рулем.

Глава 4

Айви

Мне хватило и пятнадцати минут, чтобы понять: зря мы все это затеяли.

Когда Кэл увозит нас со школьной стоянки, я чувствую облегчение. Мои мысли такие же радостные, как этот солнечный сентябрьский день: *я свободна! Мне не придется слушать речь Бони! Мне не нужно терпеть жалостливые взгляды знакомых и учителей!* Кэл включает плей-лист с альтернативной поп-музыкой, которая нравится нам обоим, и мы болтаем о музыке, фильмах и нашей первой остановке.

Когда темы для бесед исчерпаны, я заглядываю в зеркало заднего вида – вдруг сидящий на заднем сиденье Матео хочет внести свой вклад в наш разговор. Похоже, он уснул. Или притворяется: помню, он говорил, что от сна в машине его начинает мутить. Неужели он уже жалеет о том, что поехал?

Меня начинают мучить сомнения: вдруг моим родителям позвонят из школы, чтобы проверить мое присутствие? Не могу вспомнить, какой номер указан в документах. У родителей все еще есть стационарный телефон, хотя им никогда не пользуются. Если из школы позвонят на него – ничего страшного: папа отключил его еще несколько лет назад, чтобы нам перестали звонить из телемагазинов. Но если в школе есть телефоны моих родителей – мне крышка.

А даже если из школы никто не позвонит, кто-то из учителей может спросить о моей болезни у Дэниела. Он не догадается мне подыграть, а если и догадается – давайте смотреть правде в глаза, то все равно не подыграет. Дэн любит наблюдать, как я изворачиваюсь. Может, все равно стоит написать ему и предложить взятку в обмен на молчание? Но что я могу ему предложить? Кроссовки? Ага, как будто у меня в заначке как раз лежат сотни долларов на очередную пару «Найков» из лимитированной коллекции, по которой он сейчас сохнет.

Написать друзьям?.. Достаю телефон и вижу сообщение от моей лучшей подруги, Эмили. *«Где ты? Ты заболела?»* Ни она, ни я не пропускали школу с самого начала нашей дружбы в девятом классе, так что подобных прецедентов нет.

Пульс начинает неприятно учащаться. Что сказал утром папа? *«Тебе остается лишь идти с высоко поднятой головой»*. А я поступаю как раз наоборот: сбегая, прячусь и показываю, что Бони победил меня во всех смыслах этого слова.

В машине становится душно. Воздух словно высасывают. Кондиционер вообще включен? Я смотрю сначала на приборную панель, потом на свой телефон, на Кэла, в окошко, потом поворачиваюсь на сиденье, чтобы посмотреть на Матео. Хотя его глаза по-прежнему закрыты, он вдруг начинает бормотать:

– Три... Два... Один...

Это бормотание прерывает мой внутренний наполненный

паникой монолог.

– Что? – переспрашиваю я. – Я думала, ты спишь.

Он открывает глаза, и мы встречаемся взглядами.

– Ломка.

– Что, прости? – испуганно переспрашиваю я.

– Я про тебя. У тебя ломка – оттого, что ты пропускаешь школу.

– Нет у меня никакой ломки! – Не понимаю, что меня злит больше: что он все время притворялся, что спит, пока мы с Кэлом болтали, или что он угадал мое душевное состояние с закрытыми глазами. – Я и слова не сказала.

– Это необязательно. – Матео зевает и ерошит руками свои темные волосы. – Я слышал, как ты ерзала на своем месте.

– Ничего я не ерзала!

– Ребята, хватит! – Голос Кэла то ли весел, то ли на грани отчаяния. – Классное приключение! И не будет у нас никаких неприятностей. Если бы что-то пошло не так – нам бы уже позвонили.

Не хочу, чтобы кто-то снова сказал, что у меня ломка, так что просто спрашиваю:

– Куда мы едем?

– Начнем с торгового центра «Квинси». Там большая парковка, много кафешек и все такое. А рядом есть океанариум, если вдруг мы захотим куда-то сходить. Например, посмотреть на пингвинов.

– На пингвинов? – повторяю я за ним.

– Мне нравятся пингвины... Ну, раньше точно нравились.

Может, и сейчас понравятся.

Я все еще сижу лицом к Матео, и мы с ним обмениваемся недоуменными взглядами.

– Сомневаюсь, – говорю я.

Я не уверена, что это верный ответ, потому что Кэл тяжело вздыхает.

– Вот и проверим.

Матео беспокойно барабанит пальцами по колену.

– А я тут недалеко работаю.

– Ты? Где? – спрашивает Кэл.

– В баре «Гарретс».

– Разве семнадцатилетним можно работать в баре? – спрашиваю я.

– Если не работаешь с алкоголем, то можно.

– Как-то далековато от Карлтона, нет? – спрашивает Кэл.

Матео пожимает плечами.

– Я езжу на метро. Тут платят больше, чем у нас, оно того стоит.

Матео в серой футболке с логотипом «Запасной шар», затертый так сильно, что, если бы я не видела его половину своей жизни на фасаде здания, ни за что не смогла бы распознать.

– Как дома дела? – спрашиваю я. – Чем занимается Отем?

– Все трудится, – отвечает он.

Я не уверена, что он имеет в виду колледж, но переспрашивать не хочу – вдруг это какая-то больная тема.

– Она до сих пор встречается?.. – Никак не могу вспомнить его имя. Он был одним из тех парней из старшего класса, которым доставляло особое удовольствие хватать себя за пах каждый раз, когда я проходила мимо по коридору после фиаско на шоу талантов.

– С Гейбом Прескоттом? – Матео словно сплюнул кусок тухлого мяса. – Да. К сожалению.

– Странная парочка, – вставляет Кэл. – Это же Гейба выбрали в номинации «Скорее всего совершит преступление, но его не поймают»? – В нашей школе давно отменили ежегодные альбомы с лучшими выпускниками – типа «Самый красивый» и «Самый перспективный» ученики года, – назвав эту традицию «нездоровым навешиванием ярлыков». Старший класс теперь составляет свой список, и номинации в нем меняются каждый год. Честно говоря, я понятия не имею, какую номинацию весной могут приписать мне. К слову о нездоровом навешивании ярлыков.

– Нет, – отвечает Матео. – Он выиграл в номинации «Скорее всего проиграет в реалити-шоу».

Я смеюсь, потому что номинация действительно забавная и очень ему идет. Однако выражение лица Матео ясно говорит о том, что тему лучше сменить, поэтому я спрашиваю:

– А как дела у твоей мамы?

– Нормально. Бывало и лучше, – отвечает он кратко.

– Как же фигово, что «Запасной шар» закрыли, – говорит Кэл. – Мои предки считают, что Девитты хвятили через край. Патрик даже ничего не сломал, да?

– Вывихнул плечо, – отвечает Матео.

– Он же вернулся к лакроссу, – говорит Кэл, будто это все решает.

Боже мой... Прежде чем я успеваю придумать, как сменить тему, Матео спрашивает меня:

– Ну и как там Карлтонский единый комплекс, Айви? КЕК? – Губы Матео кривятся в усмешке. – Твой отец вроде так его назвал?

Новая тема. Новая тема. Увы, в голове совершенно пусто.

– Вроде да, – буднично отвечаю я. – Он обычно не рассказывает о своих проектах...

– Ты-то наверняка знаешь больше, чем я. – Матео наклоняется вперед, натягивая ремень безопасности, чтобы заглянуть в мои глаза. Я и забыла, какой у него пронизывающий взгляд.

Выложу все карты на стол: Матео был моей первой любовью. В восьмом классе я полгода отчаянно по нему сохла, однако тщательно это скрывала, уверенная, что мои чувства не могут быть взаимны. А как-то, гуляя вдвоем, без Кэла, мы поцеловались. Это был самый чудесный момент в моей жизни, но после мы с ним никогда это не обсуждали. Видимо, он решил, что нам лучше остаться друзьями, а я попы-

тальась убедить себя, что меня это устраивает. Притворяться, что мне все равно, было нелегко, и очень скоро наше трио распалось.

Я вдруг чувствую, что готова отдать все, что угодно, лишь бы сидеть сейчас на истории вместе с Эмили, даже зная, что потом придется слушать речь Бони. Еще чуть-чуть – и я снова начну ерзать на сиденье... Нет, нельзя, а то Матео заметит, что эта тема вызывает у меня панику.

– Возможно, – говорю я. – Ты хочешь знать э-э... что-то определенное?

– Да нет, – отвечает Матео, резко откидываясь назад. Резкие черты его лица, такие напряженные буквально мгновение назад, снова расслабляются. – Это все равно ничего не изменит.

– Отлично! – врывается в разговор Кэл. – На парковке есть место. – Не понимаю, намеренно он игнорирует нарастающее напряжение или слишком сосредоточен, чтобы его ощутить. Я поворачиваюсь вперед, и мы с Матео сидим в тишине, пока Кэл берет на въезде талон, едет по четырехуровневой парковке и занимает свободное место на самой крыше. – Можем оставить вещи в багажнике, если хотите, – говорит он, глуша мотор и ставя машину на ручник.

Вот сейчас меня подташнивает по-настоящему, и мне действительно лучше было бы лежать в своей затемненной спальне, отпросившись из школы. Я готова просить Кэла отвезти меня домой, но, заглянув в его полное надежды лицо,

я сдерживаюсь. Можно сначала выпить кофе, а уже потом потребовать сократить намеченную программу.

– Да, давай, – говорю я, доставая из рюкзака небольшую сумку. Перекладываю в нее кошелек, телефон и солнечные очки, затем перекидываю сумку через плечо и открываю дверцу машины.

Мы в неловком молчании кидаем в багажник свои рюкзаки и уходим с парковки. Самый лучший день стал волшебным, возможно, потому что мы тогда оказались на празднике фанатов в честь «Ред Сокс». Теперь я осознаю, что, если бы нам в тот день пришлось самим решать, чем заняться, мы бы, скорее всего, развернулись и пошли обратно на экскурсию.

И никогда не стали бы друзьями.

– Ну что? Выпьем кофе? – спрашиваю я. – Тут есть «Старбакс»?

– Не знаю... – Кэл оглядывается по сторонам. – Тут недалеко есть одно место, куда я иногда захожу с другом. Оно немного в стороне, если вы не против прогуляться.

– Конечно. – Я иду рядом по тротуару, доставая из сумки телефон. На ходу быстро пролистываю кучу новых сообщений и вздыхаю с облегчением, понимая, что от родителей или из школы нет ни одного. Мне еще надо подписаться на уведомления о рейсе родителей, что я и делаю. Посадка начнется в восемь утра по местному времени, то есть где-то через час.

Я коротко молюсь про себя, чтобы родители никогда не

узнали, что я сбежала из школы, и не отвлекались на меня от Великого для мамы вечера. Надо было думать об этом до того, как я прикинулась больной, но еще не поздно все исправить. Я возьму кофе, попрошу Кэла подбросить меня обратно до школы и скажу школьной медсестре, что мне уже лучше.

И тут каким-то магическим образом мне действительно становится лучше. Я делаю глубокий вдох и снова смотрю в телефон.

Эмили: Привееееет, есть кто?

Эмили: Бьюллер? Бьюллер?³

Я улыбаюсь. Не так давно Эмили стала фанатом кино 80-х.

Дэниел: Эмили постоянно спрашивает, где ты.

Дэниел: Ты сбежала или как?

Дэниел: Мама с папой будут в бешенстве.

Я в возмущении и уже готова ответить: «Лучше заткнись», однако сдерживаюсь. Это его не остановит. Я вернусь в школу еще до обеда – вот это точно его остановит. Надеюсь.

Я уже собираюсь убрать телефон и присоединиться к разговору Кэла и Матео, когда на экране высвечивается новое сообщение.

Эмили: Бони тоже нет.

Эмили: ВЫ ВМЕСТЕ?

³ Главный герой фильма «Выходной день Ферриса Бьюллера», 1986 г.

Эмили: Шучу. Знаю, что нет.

Эмили: Так ведь?

Я хмурюсь. Наверное, Эмили что-то перепутала. Скоро Бони должен выступать с речью; разумеется, он должен быть где-то в школе! Я начинаю печатать ответ, но тут кто-то тянет меня за локоть.

– Айви, – зовет Кэл.

– Что? – Я поднимаю глаза. Где мы? Вокруг больше зданий в индустриальном стиле, чем было несколько минут назад.

– Там большая очередь, – говорит Кэл, показывая на кафе через дорогу. Он прав: очередь тянется от входа даже по тротуару. – Хочешь зайти сначала куда-то еще?

Я хочу домой, но выговорить эти слова мне так и не удается.

– Куда, например? – спрашиваю я.

– К пингвинам, – одновременно со мной говорит Матео. Мы с Кэлом оборачиваемся к нему: он показывает налево.

– Океанариум в той стороне. Ты же вроде жаждал на них посмотреть, Кэл.

– Ну да, – произносит Кэл. Выражение лица у него при этом какое-то унылое. – Нам необязательно идти туда прямо сейчас. – Светофор загорается зеленым, и мы, не задумываясь, переходим улицу. Кэл ведет нас непонятно куда. – Я просто хотел... Кажется, у меня что-то типа личностного мини-кризиса. И дело тут не совсем в пингвинах.

– А я и не подумала, – говорю я, как раз когда Матео невозмутимо произносит:

– Так обычно и бывает.

Я хихикаю, но Кэл никак не реагирует.

– Тогда в чем дело? – спрашиваю я.

Он одергивает рубашку – голубую, в нежный зеленый горошек, не такую кричащую, какие он носил в средней школе, но все равно поинтересней обычной одежды парней нашей школы. У Кэла очень своеобразное чувство стиля, унаследованное точно не от его отцов. Уэс и Генри – оба фанаты свитеров и хаки, обожают нейтральные цвета.

– С подружкой проблемы, – отвечает он. – Ну вы же меня понимаете. Или не понимаете. А вы с кем-то встречаетесь?

Вопрос застигает меня врасплох, пусть даже это вполне обычная тема для разговора старых друзей. На мгновение хочется рассказать им об Ангусе Макфарленде, с которым я встречалась летом в Шотландии. Но даже мне самой все это начинает казаться выдумкой.

– Сейчас нет, – говорю я.

Матео отмалчивается, и Кэл вынуждает его ответить:

– Ну а ты, Матео? Я слышал, что у тебя что-то с Кармен Костой.

У меня в животе все сжимается. Я не хочу знать про, разумеется, идеальные отношения Матео с Кармен Костой, ведь Кармен чудесная девушка. Она даже подошла ко мне вчера после оглашения результатов, когда почти все делали вид,

что я радиоактивна, и сказала, что голосовала за меня.

– Уже нет, – отвечает Матео, и я удивленно вскидываю бровь.

– И давно?

– С лета.

Он вдруг останавливается посреди тротуара, уперев руки в боки, и начинает осматриваться. С каждым нашим шагом изрисованные граффити здания вокруг выглядят еще более обветшалыми.

– Кэл, а куда именно мы идем?

– А? – Кэл удивленно моргает, словно ему и в голову не приходило придумать нам новый маршрут. – По-моему... тут недалеко есть хороший художественный магазин. Может, зайдем?

– Я не против, – отвечает Матео. – Айви?

– Хорошо, – соглашаюсь я, хотя могу придумать себе кучу занятий поинтересней, чем наблюдать за тем, как Кэл выбирает между семнадцатью оттенками зеленых карандашей. Зато после этого мне будет не так стыдно уйти.

Мы снова идем в молчании, пока мое любопытство не перевешивает желание выглядеть невозмутимой.

– Так что случилось у вас с Кармен, Матео?

Он пожимает плечами.

– Да ничего такого. Я начал много работать, а она все время проводила с друзьями, мы почти не виделись. Через месяц она сказала: «Мы, похоже, расстались». А я ей: «Ну да».

Тогда она предложила: «Может, так и сделаем?» – и я ответил: «Давай». – Его лицо бесстрастно, и не понять, сдерживается он или все и правда было настолько буднично.

Кэл тоже сомневается.

– Так просто? – Матео кивает. – Ну она хотя бы не бросила тебя в «Веджи Гэлакси».

Я жду, что Кэл добавит какой-то контекст к своей реплике, но тут Матео глубокомысленно изрекает:

– Я каждый день себя этим утешаю.

Я смеюсь, а потом замечаю мрачное лицо Кэла.

– Стой, так это ты про себя?

– Да, – отвечает он. – Сразу после того, как Ноэми сказала мне, что я приспособленец, который просто плывет по течению. – Я издаю жалобный звук. – Ничего. Благодаря этому я узнал ту, с кем у меня гораздо больше общего. Мы не встречаемся официально, ничего такого, но... я был бы не против. – Он как-то нервно сглатывает. – Наверное.

– Наверное? – переспрашиваю я. Именно так начинались разговоры, которые мы раньше часто вели с Кэлом: когда ему нужен был совет, а спросить он стеснялся.

Прежде чем я успеваю выдавить из него ответ, глаза останавливаются на подозрительно знакомом окрасе тай-дай. Сначала я думаю, что мне привиделось: это не может быть та самая проклятая футболка, что преследует меня во всех кошмарах, начиная с президентских дебатов на прошлой неделе. А потом, приглядевшись к знакомому начесу волос

с голубыми кончиками, я останавливаюсь и хватаю Кэла за руку, пригвождая его к месту. Сомнений больше нет.

– Ребята, стойте, – говорю я, показывая на фигуру на другой стороне улицы. – Видите? – Матео тоже останавливается и оборачивается на нас с вопросительным взглядом. – Какого черта тут делает Бони Махони?

МЕДИАЛАБОРАТОРИЯ КАРЛТОНСКОЙ СТАРШЕЙ ШКОЛЫ

Двое юношей сидят за закругленным металлическим столом, на большом мониторе между ними надпись «КАРЛТОН ГОВОРИТ». Спереди со стола свисает баннер с талисманом школы, пумой. Первый юноша высокий, с темными длинными кудрями и выразительными, обманчиво невинными глазами; второй юноша широкоплечий, с короткими дредами – его поза могла бы показаться расслабленной, если бы он не теребил непрерывно ручку.

ЮНОША 1. Как дела, школа Карлтона? С вами Ишаан Миттал и... *(смотрит на второго юношу).*

ЮНОША 2 *(откладывая ручку).* И Зак Абрамс. Мы должны были проанализировать речь нашего нового президента школьного самоуправления, но не можем этого сделать, потому что...

ИШААН *(наклоняясь вперед и положив перед собой обе*

ладони для усиления эффекта). Потому что он так и не появился!

ЗАК *(себе под нос).* Ишаан, я и сам мог сказать.

ИШААН *(не обращая внимания).* Этим утром новый скандальный президент выпускного класса Бони Махони...

УЧИТЕЛЬ *(за кадром).* Давайте без кличек, мальчики. Просто «новый президент выпускного класса».

ИШААН. Этим утром новый президент выпускного класса Брайан Махони превратил свое избрание в шутку, просто забив на все школьные...

УЧИТЕЛЬ. Поменьше отсебятины. Может, просто подведем итоги выборов и поговорим о реакции учеников на утреннее собрание?

ЗАК. Да люди были счастливы, что им не придется слушать Бони!

ИШААН. При всем уважении, мистер Джи, выборы уже не актуальны. Кому нужны их итоги? Теперь животрепещущий вопрос, который волнует всех: где, черт побери, Бони? *(Выразительно смотрит в камеру.)* Вчера он обещал вести нас в светлое будущее, а сегодня...

ЗАК. А сегодня он, наверное, проспал.

ИШААН. А ведь он обещал, что, если мы его выберем, он оставит нас в покое. Никто не подозревал, что эти слова нужно воспринимать буквально.

МИСТЕР ДЖИ *(со страдальческим вздохом).* Так, парни, вы же знаете правила. Никаких ругательств, никаких

кличек и домыслов.

ЗАК (*тихо*). Скукота.

ИШААН (*откидываясь на спинку стула*). Мой талант пропадает зря.

Глава 5

Mateo

Сначала Айви пребывает в шоке, потом в бешенстве.

– Поверить не могу! – возмущается она, когда якобы Бони исчезает за углом. Я не разглядел парня, но она уверена на все сто. – Прямо сейчас он должен произносить свою речь! – Ее глаза широко раскрыты. – Господи! Он что, отказался? Теперь президент я? – Она хватается за телефон и смотрит на экран. – Ну же, Эмили! Ты пять минут назад слала целую кучу сообщений. Куда ты делась, когда так нужна мне?

– Может, это даже не он, – говорю я.

– Нет, он, – бормочет Айви. – Невероятно. Президенту класса нельзя пропускать собрания. Явка всегда обязательна. Это написано в Уставе школы. Или было бы написано, если бы выбрали меня и одобрили Устав. – Она смотрит через дорогу и вдруг срывается с места широким уверенным шагом. – Идемте, посмотрим, куда он собрался.

– Да кому это надо? – спрашиваю я.

Глупый вопрос. Конечно, ей.

Я надеюсь, что к тому моменту, как мы завернем за угол, парень уже исчезнет... Увы. Мы сразу его замечаем, и отчетливо видно, что Айви права: это точно Бони – в одной руке телефон, на плече болтается рюкзак. Мы следуем за ним еще два квартала, пока он не останавливается напротив здания в

стиле лофт с ярко-зеленой дверью. Бони немного мешкает у двери, а потом открывает ее и заходит внутрь.

– Стойте! – Кэл хватается Айви за руку, когда та пытается последовать за Бони. – Нельзя туда заходить. Вход запарован.

Она смотрит на него удивленно.

– Что? Откуда ты знаешь?

– Ну... это здание... – Кэл проводит рукой по волосам и смотрит куда угодно, только не на нас. – Я говорил вам о девушке, с которой теперь типа встречаюсь? Тут находится ее арт-студия.

– Студия? – переспрашиваю я. – У нее своя арт-студия?

– Вообще-то не своя, – отвечает Кэл. – Ее арендует какой-то друг и разрешает ей тут иногда работать. Здание выставили на продажу, так что все арендаторы должны были покинуть его еще в прошлом месяце, однако некоторые еще сюда заходят. – Айви резко выдыхает, и блуждающий взгляд Кэла наконец останавливается на ней. – Не надо так удивляться. Это нормально.

– Это точно ненормально, – отвечает ему Айви, хмурясь. – Если бы это здание купил мой папа, у него были бы проблемы с незаконными арендаторами.

В чем-то она права, хотя суть упустила.

– Кэл, – говорю я, – эта девушка учится в старшей школе?

– Технически нет, – отвечает Кэл.

– Она в колледже? – спрашиваю я, пытаюсь скрыть удив-

ление. Никогда бы не подумал, что Кэл из тех, кому нравятся девушки постарше. Или что он нравится девушкам постарше.

– Слушайте, давайте просто... – Кэл оглядывается. – Она может прийти в любой момент. Она всегда бывает тут по вторникам, как раз с десяти. Такой у нее режим дня; говорит, в это время идеальный свет. Будет суперстранно, если она увидит тут меня.

– Почему? – спрашивает Айви. – Она знает Бони?

В ее голосе слышатся нотки сочувствия, Айви кладет руку ему на плечо.

– У вас тройничок?

– Нет! – Кэл стряхивает ее руку. – А давайте просто уйдем отсюда! И сходим к пингвинам? Все-таки надо было начать с них.

Айви скрещивает руки на груди.

– Сходим, – но только после того, как я поговорю с Бони. Назови мне код.

– Я... я его не знаю, – говорит Кэл, оглядываясь через плечо. Это настолько очевидная ложь, что он не обманул даже меня.

– Назови код, – повторяет Айви. – А потом можешь бежать и прятаться. А не назовешь, я буду держать тебя посреди улицы, пока не объявится твоя девушка и ситуация не станет, как ты выразился, *суперстранной*.

Кэл, скривившись, с трудом произносит: «Пять, восемь,

три, два», — как будто числа застряли у него в горле. А потом, словно преступник, отбегает в сторону, в то время как Айви уверенно направляется к зеленой двери.

— Какого черта, Кэл? — Прежде чем последовать за ним, я оглядываю всю улицу — никаких признаков его загадочной девушки. Если бы вся эта ситуация не была настолько странной, я бы расхохотался, глядя, как он вжимается в дверной проем. — Что тут такого? Почему она не должна тебя видеть?

Кэл нервно облизывает губы.

— Она не должна видеть не меня. Она не должна видеть тебя.

— Меня? — Я удивлен еще сильнее. — Почему?

— И Айви. Не надо было давать ей код. Я просто запаниковал.

— Что за чушь, Кэл?.. — Тут меня настигает другая неприятная мысль. — Ты прав, не надо было давать ей код. Айви и Бони сейчас не стоит общаться.

Я видел, как Бони способен срываться, а Айви будто только и ждет повода с ним поскандалить. Вчера после оглашения результатов выборов мы с моей бывшей, Кармен, заметили, как Айви прошла мимо по коридору.

— Я за нее переживаю, — сказала Кармен, кивнув на Айви. — Она выглядит такой расстроенной. Надеюсь, ей есть на чем выпустить пар.

Мы с Кармен все еще дружим, потому что наш разрыв действительно был почти таким же безэмоциональным, как

я рассказал Кэлу и Айви. Правда, когда Кармен предложила расстаться, мне показалось, она ждет, что я начну возражать. И я собирался. Но не стал, потому что, как любит говорить Отем, *я не способен стерпеть даже малейший намек на отказ.*

Ну и ладно. Отказы никто не любит.

Я отбрасываю эту мысль и сосредотачиваюсь на текущей проблеме: мы с Кэлом все еще стоим в стороне, а Айви и Бони, возможно, затевают эпичный скандал посреди заброшенного здания.

– Лучше пойти за ней, – говорю я Кэлу и делаю пару шагов. Он не двигается с места, и я раздраженно оборачиваюсь. – Ну, давай! Я все равно туда пойду. И Айви уже там, так что чего бы ты ни боялся, возьми себя в руки.

Я разворачиваюсь и с радостью отмечаю, что он все-таки идет за мной, потому что код я не запомнил. Улица все еще пуста, вокруг никого. Кэл нажимает кнопки на панели у двери: пять, восемь, три и два.

Ничего не происходит, не раздается никакой звуковой сигнал, но, когда Кэл тянет за ручку, дверь открывается. Мы входим в холл: он гораздо светлее, чем я себе представлял, – все благодаря стеклянному потолку. Стены белые, полы деревянные, немного вытертые. По обе стороны от нас лестницы, и стоит такая тишина, что я слышу собственное дыхание.

– Айви? – зову я. – Где ты?

Через секунду доносится голос Айви – такой высокий и

тонкий, что я едва его узнаю, – откуда-то сверху и слева.

– Наверху.

– Как ты там? – спрашиваю я, поднимаясь по левой лестнице, Кэл следует за мной.

– Сама не знаю, – говорит она тем же голосом, и теперь я понимаю, как он звучит.

Ей страшно.

– На каком ты этаже?

– Не знаю, – снова отвечает она. Сердце тяжело бьется в груди – и от напряжения, и от волнения, и я уже готовлюсь к худшему, когда добираюсь до четвертого этажа и замечаю ее, перетапывающуюся в дверном проеме. Одна и, судя по виду, совершенно целая и невредимая.

Прислоняюсь к стене, чтобы отдышаться. Мы в длинном коридоре, по обе стороны множество дверей, и все заперты, кроме той, у которой стоит Айви.

– Айви, ну какого черта? – задыхаясь, говорю я, когда в паре пролетов от меня появляется Кэл. – Ты меня до смерти напугала. Где Бони?

– Мне кажется... – Она все еще смотрит в раскрытую перед ней дверь, схватившись за дверной косяк, словно ей не устоять без поддержки. – Мне кажется, он здесь.

– Где? – Я подхожу к ней и заглядываю в комнату.

Сначала в глаза бросаются большие окна, встроенные книжные шкафы и длинный стол, заваленный бумагой, карандашами и кистями. По залу расставлены несколько моль-

бертов, на некоторых закреплены незаконченные рисунки. Это точно студия, и здесь не так давно рисовали, хотя здание и должно пустовать.

А потом я следую за взглядом Айви, упирающимся в пару ярко-фиолетовых кроссовок, которые торчат из-за большой тумбы на колесиках. Там кто-то лежит – без единого движения и звука.

Я откашливаюсь и зову:

– Бони?

Ответа нет. Ни единого звука, кроме отдаленного воя си-рен. Бони носил фиолетовые кроссовки? Я не помню. Все, что приходит на ум, когда я пытаюсь его представить, – это футболка с рисунком тай-дай и рюкзак. Ничего этого с того места, где мы стоим, не видно.

– Это его?.. – начинаю я, обращаясь к Айви.

И тут что-то касается моей руки. Я резко оборачиваюсь, поднимая кулак и инстинктивно приготовившись к удару, но это всего лишь Кэл – встав на цыпочки, пытается заглянуть мне через плечо. Он подается назад, примирительно поднимая руки, и спрашивает:

– Да что происходит?

– Тут кто-то есть. Кто-то... – Я не знаю, как закончить предложение. Поэтому делаю пару шагов в комнату, чтобы Кэл сам мог все увидеть, а потом оборачиваюсь к Айви. – Ты не подходила ближе?

– Нет. – Она наконец подходит ко мне, смыкает ладони в

замке. – Я испугалась, что... Я не знала, есть ли тут кто-то еще или...

– А ты видела кого-то еще? – спрашиваю я. Вой сирен приближается.

Айви качает головой. К ее щекам начинает приливать краска, и она, расправив плечи, направляется вперед.

– Не знаю, чего я так перепугалась, просто... – Тут она охает, замирает и падает на пол.

Сначала я в таком шоке, что вообще никак не реагирую. Потом с криком «Айви!» я бросаюсь к ней, падаю на колени и притягиваю ее неподвижное тело к себе. Одной рукой я беру ее под шею и с гулко стучащим сердцем поворачиваю к себе лицом, чтобы проверить пульс и дыхание. И то и другое в норме, но ее глаза закрыты, и она мертвым грузом висит у меня в руках.

– Айви, – повторяю я, будто есть хоть какая-то надежда, что она мне ответит. – Да что тут творится?! – Я смотрю на тумбу, думая, что Айви упала в обморок при виде мертвого тела, однако даже отсюда не вижу ничего, кроме фиолетовых кроссовок.

Кэл позади меня наклоняется к полу и на что-то указывает.

– Думаю, вот в чем дело.

Я слежу за его взглядом и уже готов рассмеяться, хотя ничего смешного тут нет. В нескольких футах от нас на полу валяется шприц – с угрожающе торчащей острой иглой. Ритм

сердца выравнивается, я говорю:

– Разве в наше время кто-то еще падает в обморок от вида игл? – Возле ближайшего мольберта я замечаю мобильник. – Возьмешь ее телефон, хорошо?

Кэл с бледным лицом забирает его и кладет в карман.

– Матео, ты слышишь?

– Что? – спрашиваю я, еще не осознавая, что сирены воют как никогда громко. Вдруг создается впечатление, что они прямо над нами.

– Что-то не так. Это ненормально. – Кэл весь трясется от нахлынувшего адреналина, переминаясь с ноги на ногу.

Поверить не могу, что мне вообще нужно такое озвучивать, пока я держу неподвижное тело Айви около предположительно мертвого парня:

– Очень многое сейчас охренительно ненормально.

Кэл подходит к панорамным окнам и выглядывает на улицу.

– Полиция, – отчитывается он. – Прямо возле этого здания. Откуда они вообще знают, что мы здесь? Их вызвала Айви?

– Вряд ли. Она бы нас предупредила. Думаешь, у полиции есть код от двери?

Мы оба вздрагиваем от звука разбитого стекла. Кэл проводит рукой по губам.

– Видимо, они нашли другой способ войти. – Снова бьется стекло, и мы слышим приглушенные голоса. – Будут здесь

через секунду.

– Чувак, какого?.. – Я смотрю то на Кэла, то на шприц. – Какого черта тут происходит? Что нам теперь делать?

Глаза Кэла невообразимо расширяются.

– Думаю, нам лучше уйти.

Теперь я наконец смеюсь.

– Отличная мысль! Только помашем ручкой полиции, когда будем проносить мимо девчонку без сознания, оставив бедного...

Не могу заставить себя произнести имя Бони. *Может, это даже не Бони. Может, это какой-то измученный художник, у которого случился передоз, и...* И что? И он, прежде чем упасть, отбросил шприц подальше?

– ...Оставив бедного парня тут, – заканчиваю я.

Один раз я уже находился в комнате с покойником. Мой двоюродный дед Гектор восьмидесяти четырех лет много болел, и, когда мне было девять, мы поехали в Бронкс, чтобы «попрощаться», как сказала мама. Дядя Гектор неподвижно лежал в кровати с закрытыми глазами, тетя Роуз вложила ему в руки четки. И вдруг он стал каким-то совсем другим. Я заметил это даже с другого конца комнаты, и моя мама тоже. Она положила руку мне на плечо, сжала его и прошептала на ухо:

– Вот как безмятежно он ушел.

А тут не было ничего безмятежного.

– Нам необязательно встречаться с полицией, – говорит

Кэл. – В другом конце коридора есть еще одна лестница. Она выходит в проулок за зданием.

Это или лучшая, или худшая идея в моей жизни. Мозг отказывается работать, и я молюсь богу, чтобы Айви очнулась и что-то придумала.

– Разве нам не стоит рассказать им, что мы видели? – спрашиваю я.

– А что мы видели? Пару кроссовок и шприц? Они сейчас то же самое увидят. Если кому-то еще можно помочь... – Кэл идет обратно к выходу из зала и останавливается на пороге, его голос затихает почти до шепота: – То они помогут. А все, что достанется нам, – это куча дерьма, потому что нас тут быть не должно.

И с этими словами он выходит.

Я еще мгновение медлю, глядя то на Айви, то на проклятые фиолетовые кроссовки, пока голоса внизу не начинают угрожающе приближаться. Интересно, что будет, если я останусь? Я не сделал ничего плохого, но, в отличие от Кэла, мне не стоит рассчитывать на понимание копов. Если меня поймают вот так – с девушкой без сознания на руках, а возможно, еще и с трупом по соседству, то, скорее всего, арестуют. А даже если и нет, то последнее, чего мне сейчас не хватает, – это полиция, сующая свой нос в мою жизнь.

Или в жизнь моей семьи.

Мой взгляд падает на лежащий на полу шприц, и я принимаю решение. Кэл прав: мы никому ничем не можем по-

мочь – только самим себе. Я надежнее обхватываю Айви и бегу за ним к задней лестнице как можно тише и быстрее.

Глава 6

Кэл

В студии все мое существо стремилось к одному – сбегать. Когда я выхожу через заднюю дверь на безлюдную улицу, где нет ни полиции, ни прохожих, меня накрывает волна облегчения.

Секунд на пять. Потом я могу думать только: *а что теперь?* За мной в дверь протискивается Матео, держа на руках Айви. До парковки, где мы оставили машину, топтать добрых полмили, а Бони... Господи.

Кажется, Бони Махони и правда мертв.

Я знаю Бони с детского сада – достаточно долго, чтобы помнить, откуда взялась его кличка. Это было на второй год, когда у каждого в группе был свой шкафчик с именем. Мы писали свои имена сами – волшебными фломастерами на картоне. Однажды Кейтлин Тейлор споткнулась со стаканом воды и пролила ее как раз на шкафчик с именем «Брайан Махони». Фломастер потек так сильно, что на картоне осталась только первая буква имени и конец фамилии. Все начали звать его «Б. Они», что со временем, естественно, превратилось в Бони и так и прилипло к нему.

Он постоянно выпрашивал про моих отцов, а самый длинный наш с ним разговор состоялся в пятом классе, на дне рождения Кенни Чу, который мы отмечали на скалодро-

ме. Это единственная вечеринка, на которую пригласили и меня, и Бони, а все потому, что мама Кенни заставила его позвать всех мальчиков из класса. Мы оба стояли на одном из матов и ждали своей очереди, когда Бони вдруг обернулся и сказал:

– Как по-твоему, почему залы, где можно лазать по скалам, есть, а залов, где можно лазать по деревьям, нет?

Я раньше о таком не задумывался.

– Может, потому что вырастить деревья в помещении очень сложно?

– Их можно сделать. Скалы тут тоже ненастоящие, – заметил Бони.

– И то верно, – ответил я. – Кто-то должен этим заняться. Он прищурился и ткнул в меня пальцем.

– Если ты, когда вырастешь, изобретешь такое и станешь миллионером, то чур половину прибыли заберу я.

И тут нечему удивляться. Бони всегда искал способы заработать денег. В пятом классе он был известен тем, что покупал дешевые карамельки и перепродавал их нам во время обеда с огромной наценкой. И я, разумеется, тоже покупал – это же карамельки!

Как только мы перешли в старшую школу, он превратился в Бони-наркошу, и я о нем не вспоминал. Я почти забыл о Бони-предпринимателе с его залом с деревьями и дорогими карамельками... В глазах щиплет, и я начинаю усиленно моргать.

Матео прислоняется к стене здания, прижимая Айви к груди, и смотрит на меня так, будто ожидает, что у меня есть какой-то план. Увы, всю мою решительность как ветром сдуло. Единственное, чего я хочу, это чтобы меня вырвало или отключиться. Оба варианта кажутся неплохими, но желудок решает за меня. Я сгибаюсь в пояс, и меня рвет в траву.

– Так, – говорит Матео, когда я выпрямляюсь и трясущейся рукой вытираю рот, – нам надо перегруппироваться.

Передо мной снова Решительный Матео, каким он был на закате нашей дружбы, когда его папаша отправился «искать себя» в качестве музыканта группы, исполняющей хиты, «Grateful Dead». Матео тогда словно понял, что половину жизни слушался совершенно бесполезного человека, и решил сам сделать шаг вперед. Теперь бесполезным человеком для Матео стал я, и ему приходится отдуваться за нас обоих. Я даже чувствую облегчение. Хочу просто идти за кем-то и выполнять указания.

Матео выходит на тротуар, по-прежнему держа Айви на руках и оглядываясь в обе стороны пустой улицы. Неожиданно поблизости ревет мотор, причем совсем близко. Едва мы успеваем обменяться полными ужаса взглядами, как из-за угла вылетает машина. За рулем какой-то парень с мобильником в руке. Он даже не обращает на нас внимания и проносится мимо. Как только он уезжает, Матео почти бегом пересекает улицу и ныряет в проулок между двумя домами. Я следую за ним молча – чересчур напуган, чтобы за-

давать вопросы. При малейшей мысли о том, что произошло в студии Лары, у меня перестают работать ноги. Ее последний, еще не законченный, рисунок висел на ближайшем к входу мольберте, как будто она только что над ним работала. Именно этим она и должна была заниматься во вторник утром. Это ее единственный выходной, ее лучшее время для творчества. Она ведь вечно твердит, что не может сосредоточиться дома.

Так почему ее там не было?

И почему там оказался Бони? Ведь это был именно Бони, верно? Хотя ни у кого из нас не хватило духу посмотреть, кто был в кроссовках, но мы видели, как он туда вошел.

Но не видели, как он оттуда вышел.

Живот снова скрутило, и я стараюсь сосредоточить внимание на тротуаре под ногами. Мне хватает ума догадаться, что рано или поздно мы столкнемся с кем-то из прохожих, и они потребуют объяснить, почему Матео несет девушку без сознания. Однако, как результат максимально безответственного поведения взрослых этим утром, навстречу попадается лишь старый пьянчуга, привалившийся к зданию.

Матео сворачивает за угол, а потом останавливается у большой металлической двери.

– Ключи у меня в правом кармане. Можешь достать?

– Я... Что?

– Достань ключи, – повторяет он нетерпеливо. – У меня руки немного заняты.

– Я знаю, просто... Где мы?

– В «Гарретс», у заднего входа. Они не откроются до пяти вечера, так что там никого нет.

Я перестаю засыпать его вопросами и быстро достаю ключи.

– Большой и круглый, – командует Матео.

Нахожу нужный ключ и трясущимися руками вставляю его в замок. Он легко поворачивается, и я тяну тяжелую дверь на себя, как раз когда звуки сирен раздаются снова. Мне становится страшно; если бы ключи в этот момент были у меня в руках, а не торчали из двери, я бы обязательно их выронил. Матео заносит Айви внутрь, я захожу следом и затворяю за нами дверь.

Мы оказываемся в темном помещении со спертым воздухом, сплошь уставленном коробками и пустыми кегами. Рядом только одна дверь, кроме той, через которую мы вошли, и ведет она к небольшой лестнице. Я следую за Матео наверх и попадаю в зал, большую часть которого занимает бар с одной стороны и два бильярдных стола с другой. Вдоль одной из стен тянутся окна; все они закрыты шторами, пропускающими лишь бледный желтоватый свет. У ближайших к нам столов мягкие скамьи с бледно-розовыми подушками – туда Матео и укладывает Айви.

Освободившись, Матео встряхивает руки, крутит шейю и растирает плечи, а потом осторожно тянет Айви за край задравшейся во время транспортировки юбки. Айви что-то

бормочет, но в себя не приходит.

– А она... разве еще не должна была прийти в себя? – спрашиваю я. В последний раз я видел, как Айви падает в обморок от вида иглы, в седьмом классе, когда кто-то нашел использованный шприц на футбольном поле и начал размахивать им во время физкультуры. Хотя все это я помню смутно, готов поклясться, что в тот раз она очнулась буквально через пару минут.

– Не знаю, – отвечает Матео. – Она здорово перепугалась. – Он наклоняется к ней и прижимает пальцы к ее шее. – Пульс вроде нормальный. Дыхание ровное. Подождем.

– Ты же знаешь Айви, – говорю я. – Видно, решила воспользоваться передышкой...

Матео отвечает мне усталой улыбкой, оценив слабую попытку пошутить. Когда мы еще дружили, Айви никогда не спала ночью больше пяти часов. Я пропускал ее сообщения, когда засыпал, а проснувшись утром, находил целую порцию новых. Сейчас я даже чувствую ностальгию по тем странным сообщениям, которые Айви писала, пока все спали.

«Ты знал, что до космоса лететь всего час?»

«СМОТРИ, РОЗОВЫЕ ДЕЛЬФИНЫ!!!» (ссылка на «Ютьюб»)

«Кэл, ты должен завести для Гилберта друга. В Швейцарии запрещено заводить по одной морской свинке, потому что им одиноко».

И насчет Гилберта она оказалась права. Моя свинка стала

гораздо счастливее, когда родители разрешили мне купить ей пару. Правда, когда Джордж умер, Гилберт был так безутешен, что через три дня скончался и сам.

Я разглядываю полутемное помещение, нервно прикусывая щеки. Я еще ни разу не бывал в барах, о чем я периодически сообщаю при самых разных обстоятельствах.

– Так вот где ты работаешь, да?

– Да, – отвечает Матео. – Хозяин обычно не появляется раньше двух, так что, думаю, можем пока перекантоваться здесь. – Он идет к бару и, исчезнув где-то за стойкой, появляется с парой стаканов, которые наполняет водой из-под крана в маленькой раковине. Один стакан он передает мне, а сам садится за стол рядом с Айви. Я сажусь на стул напротив него и делаю большой глоток. Во рту становится уже не так противно.

– Все нормально? – спрашивает Матео.

– Не уверен, – отвечаю я тихо. – А у тебя?

– Та же фигня. – Матео качает головой и зараз осушает половину стакана. – Это был настоящий кошмар.

– Точно. – Я вытираю рот тыльной стороной ладони. – Не совсем то, что я представлял, предлагая воссоздать «Лучший день в жизни».

– Лучше бы мы пошли в долбаный океанариум.

У меня не получается сдержаться: несмотря на все случившееся, я фыркаю от смеха. Конечно, скорее истеричного.

– Согласен.

Выражение лица Матео меняется. Он все еще напряжен, но теперь более сосредоточен, словно готовится заглянуть в тайные чертоги моего разума. Я хорошо помню этот взгляд у его мамы – забавно, сам он всегда ненавидел этот ее взгляд.

Отлично знаю, что сейчас будет.

– Кэл, – произносит Матео и делает короткую паузу. – Что это за девушка?

– А? – Я отпиваю из стакана, чтобы потянуть время.

– Твоя подружка. Которая там работает. – Тон Матео становится резче, а я все продолжаю пить, старательно избегая его взгляда. – Мы, случайно, не в ее студии были?

– Да, – вырывается у меня. Черт! Не стоит мне сейчас распускать язык. Надо подумать. И поговорить с Ларой. Я достаю телефон, добавляя: – Но ее там не было.

– То, что мы ее не видели, еще не значит, что ее там не было, – благоразумно подмечает Матео. – Ты сказал, она там каждый вторник, так?

– Обычно. – Мои пальцы порхают над телефоном, набирая сообщение Ларе.

«Ты в студии?»

– Так почему бы ей не быть там и сегодня? – спрашивает он.

– Не знаю. – Я гипнотизирую телефон, молясь, чтобы она ответила как можно быстрее, и сердце на мгновение замирает, когда я наконец вижу ее ответ.

«Нет, сегодня не получилось».

Глубокий вдох. Я невероятно этому рад, но...

«Почему?»

«Решила пойти на мастер-класс по керамике!» Сначала появляются черные буквы, а потом фотография покрытого глазурью зеленого горшка у печи для обжига.

На несколько секунд меня накрывает волной облегчения, а потом так же быстро отпускает. Потому что все это по-прежнему не объясняет того, почему Бони... или кто бы это ни был... оказался в студии.

«Надо поговорить», – пишу я в ответ. Она отвечает не сразу, и мне приходится добавить: *«Срочно»*.

– Кэл, – зовет Матео. Когда я поднимаю глаза, он все еще смотрит на меня своим рентгеновским зрением. – Ты сейчас ей пишешь?

– Да. Она говорит, что ее там не было. – Я понимаю, этого мало, чтобы ответить на все вопросы, и оглядываюсь в надежде как-то сменить тему. Слева от нас на стене висит большой телевизор, и я указываю на него. – О, можно включить? Вдруг что-то попало в новости.

Взгляд Матео говорит о том, что наш разговор не окончен, – это он тоже унаследовал от матери, – но Матео все же направляется к телевизору.

– Да, давай. И в телефоне посмотри. – Он идет к бару и достает с деревянной полки на стене пульт.

Экран оживает и пронзает тишину настолько громким звуком, что мы вздрагиваем. Матео тут же убавляет гром-

кость. Включается местный спортивный канал, и мы щелкаем по кнопкам, пока не натыкаемся на мужчину в рубашке и при галстуке с красной пометкой внизу экрана: «Срочные новости».

– Он около арт-студии, – говорит Матео, поворачиваясь к столу, но не отрывая глаз от экрана.

Сердце бешено стучит. От вида этого здания на экране телевизора пережитый ужас снова накрывает с головой.

– Черт! Ты думаешь?..

– Тсс! – произносит Матео, снова прибавляя звук.

– ...Полиция активно ищет любую информацию по наводке, которую получили и они, и продюсеры передачи «Репортаж Хокинса» незадолго до того, как в этом самом здании было обнаружено тело неизвестного молодого человека, – вещает репортер.

Господи. *Тело.*

Это слово повергает меня в ужас. С того момента как мы ушли из студии, я твердил себе, что это, вероятно, ошибка. Может, парень просто потерял сознание. Или спит. Или дурачится. Я хватался за эти дурацкие предположения, как за спасительную соломинку.

– Значит... если мы видели тело... – Голос мне изменяет, я никак не могу произнести имя Бони.

– Неизвестно чье, – быстро говорит Матео. Но, похоже, ему от этой фразы не легче.

Репортер смотрит прямо в камеру.

– Анонимный источник сообщил, что видел, как молодая блондинка делает некоему юноше инъекцию, после чего тот теряет сознание, – продолжает он. – Здание в данный момент пусто, а потому не оснащено камерами, так что мы просим вас звонить с любой информацией, которая может иметь отношение к делу. Судя по описанию, девушка привлекательная, примерно двадцати лет и находится, вероятно, где-то неподалеку.

Матео ставит телевизор на паузу, отчего репортер на экране замирает, а я слышу справа от себя отрывистый вздох. Когда я поворачиваюсь, Айви уже сидит прямо, прижав руку к груди, через одно плечо перекинута собранная в хвост волосы. Она ошарашенно смотрит сначала на меня, потом на Матео, затем на скамью, на которой она лежала с того момента, как мы сюда пришли.

– Что. Тут. Происходит? – спрашивает она.

Глава 7

Айви

Сначала я никак не могу сообразить, где мы. Помню, как утром мы с Кэлом и Матео сбежали из школы. Сейчас оба смотрят на меня так, будто я отрастила вторую голову... А у меня и одна-то болит нещадно.

Потом вместе с волной тошноты возвращается память.

– О боже! – Я вскакиваю, сердце бьется где-то в горле. – Что мы?.. Почему мы?.. – Я дико озираюсь по сторонам, мой взгляд падает на стену, завешенную флуоресцентными логотипами пива. Я бы точно запомнила это место, если бы бывала тут раньше. – Где мы?

– Сядь, пока снова не отключилась. Я налью тебе воды, – говорит Матео.

Я начинаю верить его, что со мной все нормально, но меня тут же накрывает новая волна головокружения. Я снова падаю на скамью, а Матео направляется к стойке. Бар, осознаю я, когда он приподнимает ее часть. Мы в баре. И Матео чувствует себя тут очень уверенно.

– Это «Гарретс»? – спрашиваю я.

Кэл, все это время сидевший молча, криво мне улыбается.

– Ну, голова у тебя по-прежнему варит. Это хорошо. Ты помнишь, почему отключилась?

– Я увидела шприц, – говорю я с содроганием. – И не успе-

ла...

– Держи. – Матео садится напротив и ставит на стол между нами стакан с водой. – Сначала выпей. И отдышись.

Я подчиняюсь – отчасти из-за невыносимой жажды, а отчасти потому, что мне приятно в такой момент чувствовать, что обо мне кто-то заботится. Однако покоя не дают роящиеся в голове вопросы. Смотря на траурные лица Матео и Кэла, я задаю самый важный:

– Что случилось с тем парнем?

Матео и Кэл переглядываются.

– Мы точно не знаем, – говорит Кэл. Матео забирает мой пустой стакан и еще два с соседнего стола и возвращает их в бар. – У нас не было возможности проверить. Когда ты упала в обморок, ситуация осложнилась. Сильно осложнилась.

– Сильно осложнилась? – переспрашиваю я. – В смысле? Кэл барабанит пальцами по столу.

– Неожиданно приехала полиция с мигалками. Они вынесли дверь и помчались наверх, так что мы... Ну, ты понимаешь. – Он засовывает палец за ворот рубашки и слегка ослабляет его. – Мы решили, что у них все под контролем, и... ушли.

Я хлопаю глазами.

– Ушли, – повторяю я за ним.

– Да. – Кэл облизывает губы. Он мертвенно-бледный, отчего веснушки на носу и щеках выделяются сильнее, чем обычно. – Через заднюю дверь.

Ничего не могу с собой поделаться: опять вскакиваю и начинаю мерить шагами облупленный деревянный пол.

– И вы не поговорили с полицией?

– Нет, – отвечает Кэл.

– Я правильно понимаю? Вы мне сейчас говорите, что решили сбежать с места преступления?

Кэл еще раз молча облизывает губы, и я поворачиваюсь к Матео. Он ставит локти на стойку, выглядя как заправский бармен, готовый выслушать любые мои проблемы.

– Как вы могли? – спрашиваю я обвинительным тоном.

Матео стискивает челюсти.

– Слушай, момент был очень напряженный. Приехали копы, а мы не понимали почему. Действовать надо было быстро, так что те, кто еще был в сознании, приняли именно такое решение. У нас не было возможности с тобой советоваться.

Я встречаю его напряженный взгляд – и переосмысливаю ситуацию. В средней школе, когда мы втроем бродили по «Карлтон-моллу», охранники постоянно следовали только за Матео. Однажды они даже обыскали его рюкзак. Пока охранник выкладывал его потрепанные тетрадки, карандаши, пару наушников с безнадежно запутанными проводами и толстовку, Матео стоял с каменным лицом. А тот потом вернул все обратно, даже не извинившись. Так что я понимаю – лучше поздно, чем никогда, – почему он не хотел оставаться в той студии. Тем не менее, не в силах остановиться, я продолжаю возбужденно ходить между столом и стойкой бара.

– Надо хотя бы сказать кому-то, что видели, как Бони зашел...

Тут я запинаясь, потому что замечаю, как напрягаются плечи Матео при упоминании имени Бони. Мое возбуждение тут же испаряется, сменяясь холодным ужасом.

– Что? – спрашиваю я.

– Парень, которого мы видели... – Матео громко сглатывает. – Кто бы это ни был – он мертв.

У меня земля уходит из-под ног. Я опираюсь на стойку, чтобы не упасть.

– Это был Бони.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Матео.

– Кроссовки, – произношу я с трудом. – Точно его.

Когда я, оцепенев от ужаса, стояла на пороге той комнаты, я еще сомневалась. Но сейчас, вспоминая, как Бони поднимался на сцену актового зала для дебатов... Помню, как заметила что-то ярко-фиолетовое на его ногах, помню, как сильно меня это задело. Где-то в глубине души я уже знала, что проиграю выборы, причем проиграю с треском... и все думала: почему он всегда такой эпатажный?

Я злилась на него вчера, злилась сегодня утром. Когда я увидела, как он заходит в то здание, мне не терпелось все ему высказать. Пока я переходила улицу, в голове созрела целая речь – и никакие записи мне были не нужны!..

Закрываю лицо руками и прижимаюсь горячим лбом к холодной стойке бара. Но как только чувствую руку Матео на

своим локте, тут же поднимаю голову. Мне нельзя плакать, ведь если я сейчас расплачусь, то не смогу себя контролировать. Инстинкт удерживает слезы глубоко внутри меня, предупреждая, что мне нужно держать себя в руках.

– Айви, – говорит Матео мягко, а я дергаюсь будто от крика.

– Откуда ты знаешь?.. – спрашиваю я глухим голосом. Приходится несколько раз сглотнуть, прежде чем голос вновь начинает звучать нормально. – Откуда ты знаешь, что он умер?

– Мы видели... – Матео показывает рукой мне за спину, и я оборачиваюсь. Только сейчас я замечаю телевизор в углу и с удивлением узнаю лицо на экране.

– А почему вы смотрите Дэйла Хокинса? – спрашиваю я. Матео выныривает из-за стойки и направляется к столу, за которым сидит Кэл.

– А это Дэйл Хокинс?

– Да, – киваю я. – Мои родители его знают. Ну, и я немного. Мы сотрудничаем с одними и теми же благотворительными организациями.

Когда-то Дэйл был репортером одного из бостонских каналов, но ввиду возникших разногласий ушел на местный кабельный и начал свою собственную передачу. Папа говорит, что он слишком вольно трактует понятие «новости». Впрочем, папа может быть необъективен. Дэйл несколько раз делал нелестные репортажи, связанные с папиной рабо-

той, утверждая, что «большие шишки из корпораций подбили под себя весь местный бизнес».

– Этот лицемер излишне категоричен! – Папу бесконечно раздражает тот факт, что Дэйл Хокинс, тоже живущий в Карлтоне, снес старинный домик, чтобы отгрохать себе гигантское поместье.

Место на экране мне знакомо. Граффити за правым плечом Хокинса и зеленая дверь позади заставляют меня замереть от ужаса. Он стоит у того здания, где недавно были мы.

Матео берет пульт и целится им в телевизор.

– Сейчас перемотаю.

Через пару секунд Дэйл Хокинс оживает и с тревожным выражением лица говорит:

– Мы в тихом индустриальном районе на севере Файнэйл-холла, где этим утром случилась страшная и загадочная трагедия...

Мы смотрим репортаж в тишине.

– ...просим вас звонить с любой информацией, которая может иметь отношение к делу. Судя по описанию, девушка привлекательная, примерно двадцати лет и находится, вероятно, где-то неподалеку.

Тут Матео опять ставит видео на паузу.

– На этом мы закончили, пока ты была в отключке.

– Ясно, – бормочу я. – Давай дальше.

Но ничего интересного больше не показывают: Дэйл Хокинс диктует номера телефонов и замолкает, вперившись

в камеру своим знаменитым раздражающе-внимательным взглядом. Несколько секунд мы все молчим, пока Матео не решается сказать очевидное.

– Ну вот, – говорит он, – блондинка.

Я перекидываю хвост через плечо, наматывая его кончик на палец. Тишина.

– Он же не имел в виду?.. Он же не мог говорить обо мне? – наконец спрашиваю я.

Оба молчат.

– И мне не за двадцать, – упорствую я, глядя то на встревоженного Кэла, то на бесстрастного Матео. Меня бесит, что выражение лица Матео невозможно прочитать: про себя он может как соглашаться с тем, что я подхожу под описание, так и размышлять о том, что «привлекательная» – понятие довольно растяжимое. В размышлениях я сильно удаляюсь от сути, и тут же подсознательно даю себе подзатыльник.

Матео пожимает плечами.

– Многие люди не умеют адекватно оценивать возраст.

– Да, но... – Слова Дэйла продолжают вертеться у меня в голове. – Даже если кто-то и видел меня на входе, нельзя было подумать, что я делаю Бони инъекцию. Я и близко к нему не подходила. – Я чувствую огромную благодарность к Матео и Кэлу за то, что они меня оттуда вытащили до приезда полиции. Какая чудовищная ирония: меня допрашивали бы о случае смерти от передозировки прямо перед церемонией награждения моей матери!

– Может, кто-то видел, как ты поднимаешься наверх, и что-то перепутал, – предполагает Матео.

– Ты считаешь... А Бони не мог сделать это сам? Ну, превысить дозу? – Кэл трет виски и смотрит на меня. – Мы как раз об этом говорили, да? Наркотики сейчас везде, даже в Карлтоне.

– Но мы не в Карлтоне, – напоминаю я. Зачем Бони ехать в Бостон в десять утра, чтобы уколоться? Он мог сделать это и поближе к дому.

Поворачиваюсь к Матео, чтобы проверить, согласен он со мной или нет, но он смотрит в пол.

– Ты заметила там что-нибудь еще?

Я мотаю головой.

– Нет.

– Может быть, слышала кого-то? – упорствует он.

Я готова снова отрицать, однако потом задумываюсь. Когда я ворвалась туда, то была на адреналине, твердо настроенная найти Бони и все ему высказать. Я понятия не имела, где он, но почему-то пошла прямо в его сторону. Как так вышло? Почему я повернула налево и поднялась на четвертый этаж?

– Может быть... Да, я что-то слышала. Я пошла наверх на какие-то звуки. Движение или шаги. – Воспоминания становятся живее. – Мне показалось, что там кто-то есть.

– Хорошо еще, что ты ни с кем не столкнулась, – угрюмо бросает Матео.

У меня по позвоночнику пробегает дрожь. Я оглядываюсь на Кэла, но он смотрит вниз, в телефон. И тут в голове проясняется, и я понимаю то, что было очевидно с самого начала.

– Подожди-ка, – говорю я так резко, что Кэл тут же поднимает голову. – Та девушка. Которая работает в той студии. Она блондинка? – Кэл бледнеет, а мне хочется вlepить себе затрещину, за то, что не додумалась до этого раньше. – Ведь блондинка?

– Ее там не было, – быстро отвечает он.

– Она блондинка? – произношу я раздельно.

Лицо Кэла становится почти белым. Мы словно исследуем невиданные прежде степени бледности.

– Она... я... У меня твой телефон, – лепечет он.

Это явная попытка сменить тему разговора.

– Что?

Кэл сует руку в карман и достает последний айфон в толстом черном чехле.

– Ты обронила, когда упала в обморок, мы его подобрали. Держи.

Я осторожно беру незнакомый телефон.

– Это не мой, – говорю я, расстегивая свою сумку и доставая собственный телефон с чехлом в розово-золотую шотландскую клетку. – Мой там же, куда я его положила. Значит, этот...

– Черт! – восклицает Матео, забирая у меня телефон. – Видимо, это телефон Бони.

Кэл порывисто вздыхает.

– Или того, кто его убил.

Мы в полном молчании во все глаза смотрим на телефон.

– Это же... улика, – говорю я, запинаясь. – Мы должны его вернуть.

Матео хмурится.

– На место преступления? Каким образом?

– Отправить его почтой? Написать записку? – робко предлагаю я.

Кэл резко встает, стул под ним громко скрипит.

– Мне надо в туалет.

Матео указывает себе за спину.

– Слева от телевизора.

– Спасибо. Я быстро.

Я жду, когда дверь за Кэлом закрывается, и поворачиваюсь к Матео.

– Что с ним происходит?

– Не представляю. – Матео пожимает плечами. – Но с его девушкой определенно что-то не так. Он не желает о ней говорить. Не отвечает даже на самые простые вопросы.

Я нервничаю, я запуталась, я вымотана. Поэтому просто разглядываю ряды бутылок на полках.

– Только я из всех вас сейчас могу позволить себе выпить?

Матео смеется, демонстрируя ямочки на щеках, – они появляются, если застать его врасплох. Когда мне было тринадцать и моя влюбленность была в самом расцвете, я любой

ценой старалась заставить его улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.